

А. В. Лавров

РУКОПИСНЫЙ АРХИВ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Огромный архив Андрея Белого еще при жизни писателя рассеялся по различным хранилищам. Наиболее значительные и объемные его части сосредоточились в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 53; основу этого фонда составили материалы, приобретенные у Белого Государственным Литературным музеем в 1932 г.) и в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 25). Менее объемны личные фонды Андрея Белого в отделах рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 60) и Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ф. 11). Однако и в этих четырех хранилищах творческое наследие Белого суммировано далеко не полностью, так как, по свидетельству близко знавших его людей, «рукописи он часто оставлял у друзей, у редакторов и издателей, на старых квартирах или же уничтожал и раздаривал».¹ Самой богатой из подобных коллекций рукописей обладал Р. В. Иванов-Разумник, ближайший друг и литературный соратник Белого в послеоктябрьские годы, один из первых исследователей его творчества. В архиве Иванова-Разумника, хранящемся в Пушкинском Доме, материалы, относящиеся к Белому, выделены в отдельную опись и составляют как бы архив в архиве (ф. 79, оп. 3, 83 единицы хранения).²

Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова, 1878—1946) — видный критик и публицист неонародниче-

¹ Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д]. Литературное наследство Андрея Белого. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 627. Далее ссылки на этот обзор даются в тексте сокращенно: ЛН, страница.

² Далее при ссылках на материалы этой описи в тексте указывается только номер единицы хранения.

ского направления, историк русской литературы и общественной мысли. Начав печататься с 1904 г., он обратил на себя внимание двухтомным исследованием «История русской общественной мысли», вышедшим в конце 1906 г. и вызвавшим острую критику. В основу его труда была положена концепция интеллигенции как «внеклассовой, внесловной, преемственной группы», «антимещанской» в этическом отношении, характеризующейся «творчеством новых форм и идеалов» и стремящейся к всестороннему освобождению личности.³ Марксистская критика выступила против идеалистических трактовок Ивановым-Разумником понятий «интеллигенция» и «мещанство».⁴ Не принял его книгу и М. Горький.

С именами крупнейших писателей-реалистов Иванов-Разумник связывал важнейшие завоевания русской общественной мысли. В то же время эволюция литературно-эстетической позиции Иванова-Разумника неуклонно вела его ко все более последовательному признанию творческих исканий писателей, связанных с символизмом. Уже в ранней литературно-философской книге «О смысле жизни» (1908) объектом его анализа становится творчество Ф. Сологуба. В критических статьях первой половины 1910-х годов Иванов-Разумник дает высокую оценку произведениям символистов и «новых реалистов» — А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина, С. Сергеева-Ценского. Постепенно в системе литературных ценностей Иванова-Разумника на первый план выдвигаются Александр Блок и Андрей Белый, творчество которых он в конечном итоге будет расценивать как высшее достижение русской литературы начала XX в.⁵

Энергичный и инициативный литературный деятель, Иванов-Разумник в 1910-е годы был связан с целым рядом крупных издательских начинаний. Под его редакцией, с его статьями и примечаниями в 1911 г. вышло в свет трехтомное собрание сочинений В. Г. Белинского; он входил в редколлегию журнала «Заветы» (1912—1914); в конце 1912 г. Иванов-Разумник участвовал в основании издательства «Сирия» и вошел в его организационное ядро. К этому времени и относится его знакомство и сближение с Андреем Белым.

³ См.: Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в., т. 1. СПб., 1907, с. 10.

⁴ Литературно-эстетические взгляды Иванова-Разумника характеризуются в статье М. Г. Петровой «Эстетика позднего народничества» (в кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. М., 1975, с. 156—170). См. также статьи Г. В. Плеханова «Идеология мещанина нашего времени» (Современный мир, 1908, № 6, отд. II, с. 112—138; № 7, отд. II, с. 72—130) и А. В. Луначарского «Мещанство и индивидуализм» (в кн.: Очерки философии коллективизма. СПб., 1909, с. 219—350).

⁵ См.: Иванов-Разумник. Русская литература XX века (1890—1915 гг.). Пг., «Колос», 1920, с. 30—31.

«Первая мимолетная моя встреча с Б<орисом> Н<иколаевичем>, — вспоминает Иванов-Разумник в письме к К. Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г., — произошла на „башне“ Вяч. Иванова — *кажется*, в 1910 году был я на башне этой <...> всего единожды в жизни, — и больше там не появлялся, до того отвратно там мне показалось. Встречу эту с Б<орисом> Н<иколаевичем> не считаю: мы не обменялись ни единым словом и косились друг на друга. Годами двумя ранее я напечатал в „Русских ведомостях“ что-то весьма неодобрительное о философских статьях Б. Н.⁶ <...> Так что первая встреча в этом году — была не встреча, а случайное прохождение через одну и ту же комнату».⁷

Подлинная их встреча и знакомство состоялось в Петербурге в мае 1913 г., когда Белый заключал с «Сирином» договор об издании романа «Петербург». «Незадолго до этого, — пишет Иванов-Разумник в том же письме, — Блоку и мне (тогда — редактору издательства «Сирин») с великими трудами удалось протащить „Петербург“ сквозь Клавдинские теснины семьи Терещенок (издателей) и старания близкого к ним Ремизова не допустить этот роман в сборники „Сирин“. Блок и я — одолели; Б. Н. приехал заключать договор и был у меня в „Сирине“ в первый же день приезда; разговор продолжался три-четыре часа». Вслед за этой встречей между Ивановым-Разумником, следившим за ходом печатания романа в альманахах «Сирин», и Белым, уехавшим за границу, установилась деятельная переписка. Поначалу в ней разрешались сугубо деловые вопросы —

⁶ В статье Иванова-Разумника «Русская литература в 1908 г.» (Русские ведомости, 1909, № 1, 1 января) идет речь о книгах Белого «Пепел» и «Кубок метелей». «Этого поэта и публициста, — писал в ней Иванов-Разумник о Белом, — губит присущее ему гримасничанье: он словечка в простоте не скажет, все с ужимкой, и когда высказывает самую простую мысль, то старается сказать так, чтобы как можно умнее вышло. Отсюда свойственные ему гримасы и широковецательность, отсюда все эти шксы, нули, формулы, которыми он перегружает свои статьи <...> претензии его всегда шире исполнения, что особенно ясно сказалось в „Кубке метелей“ — претенциозной и слабой книге». В обзоре «Русская литература в 1912 году» (1912) Иванов-Разумник также скептически отозвался о статьях Белого (имея в виду статьи, помещенные в журнале «Труды и дни»), назвав их «философствованием на мало знакомые ему темы» (Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. Пб., «Эпоха», 1922, с. 26).

⁷ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 200. Описанная встреча относится, по всей вероятности, к февралю-марту 1910 г., когда Белый жил в Петербурге на «башне» у Иванова. Белый в свою очередь вспоминал, что работы Иванова-Разумника он стал читать под влиянием своего дяди, Георгия Васильевича Бугаева, высоко расценивавшего книгу «О смысле жизни»: «... дядя открыл только начавшего печататься Иванова-Разумника; и мне доказывал: все философии — нуль после постановки вопроса о жизни у Иванова-Разумника; через него я и начал читать произведения человека, с которым позднее всей жизнью связался» (Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М.—Л., 1930, с. 134).

о чтении и правке корректур, подготовке в «Сирине» отдельного издания «Петербурга» и собрания стихотворений Белого (не осуществленного из-за прекращения деятельности «Сирин» в 1915 г.), но постепенно стали подниматься и более важные темы, связанные с интерпретацией романа. «О романе Вашем напишу Вам как-нибудь подробно; несмотря на многие „но“ (особенно — незнание революционеров), он очень радует меня, и я собираюсь о нем подробно писать», — сообщил Иванов-Разумник Белому 25 ноября (8 декабря) 1913 г.⁸ Белый в ответных письмах подробно излагал те творческие идеи, которые он стремился воплотить в своем романе. Интерес к «Петербургу» влечет Иванова-Разумника к более полному и подробному изучению творчества Белого в целом. В 1915 г. он пишет обобщающую статью, в которой прослеживается эволюция писательского пути Белого и анализируются характер и направление его творческих исканий.⁹

В 1916 г. Иванов-Разумник опубликовал свою первую статью о «Петербурге» — «Восток или Запад? («Петербург», роман Андрея Белого)».¹⁰ Прочитав статью, Белый писал ему в недатированном письме (весна 1916 г.): «... я почти до слез был взволнован ей: ведь это (за 15 лет моей литературной деятельности) первая статья обо мне, которая меня взволновала и относительно которой я могу сказать, что критика не только прощает мои намерения, как автора, но и... учит меня, прочищает мне самому путь, облегчает мне думать о будущих моих произведениях; и вовсе не потому, что в статье Вашей я встречаю столь лестную для меня оценку „романа“, а потому, что столь выявлено в статье основное намеренье автора, идея».¹¹

После того как Белый в августе 1916 г. возвращается в Россию, его отношения с Ивановым-Разумником перерастают в прочную, многолетнюю дружбу. Писателя и критика объединяют антивоенная позиция, осознание глубокого и неразрешимого кризиса всего жизненного уклада и неизбежности революционного переворота. Сразу связывает их и общее литературное начинание — организованный Ивановым-Разумником альманах «Скифы», для которого Белый предложил только что законченный им роман «Котик Летаев». Это произведение вызывает у Иванова-Разумника восторженный отклик, несмотря на то что он без всякого сочувствия относился к антропософской доктрине, оставившей на романе Белого зримый отпечаток. «Рад и счастлив, что после „Петербурга“, который я так высоко ценю, Вы пошли дальше и выше, достигли новых вершин <...>, — писал

⁸ ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 6а.

⁹ См.: Иванов-Разумник, Андрей Белый. — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. М., 1916, с. 13—64.

¹⁰ Русские ведомости, 1916, № 102, 14 марта.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 7.

Иванов-Разумник Белому 1 января 1917 г. — Но то, что *в книгах* Штейнера (подчеркиваю: *в книгах*, ибо личное изложение, быть может, меняет дело) <...> безжизненно, схематично и мертво — для „читателя“, не для „переживателя“, — то самое художник, Вы, — *заставляете переживать*, как художник только и может заставить». ¹²

Февральская революция застала Белого в Царском Селе, где он гостил у Иванова-Разумника. Настроения у обоих писателей после нее оказались во многом сходными: оба были не удовлетворены достигнутыми результатами. Новое понимание России, взятая в аспекте свершившейся революции и всеобщего мирового кризиса, духовный максимализм и устремленность к грядущему, стремление за реальностью социального переворота различить контуры надвигающейся «революции духа», пафос противостояния «всесветному Мещанину» и настроения неустойчивости, непримиренности, мятежа — все это характеризует «скифское» мироощущение, которое роднило Иванова-Разумника, Белого и Блока. Впоследствии Белый признавался, что темы «Россия», «революция», «народ», «скифство» определились в его сознании и творчестве под влиянием встречи с Ивановым-Разумником. ¹³

После Октября Белый и Иванов-Разумник (один в Москве, другой в Петрограде) оказались активными участниками культурного строительства, понимаемого ими в духе их теорий. Полем их совместной деятельности стала Вольная философская ассоциация («Вольфила»), основанная в Петрограде в ноябре 1919 г. «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества». ¹⁴ Белый был избран председателем совета ассоциации, Иванов-Разумник стал товарищем председателя, членом совета и основным ее организатором.

В 1923 г. вышла в свет книга Иванова-Разумника «Вершины», в которой были собраны его статьи о Блоке и Белом. ¹⁵ Утверждая их «„вершинность“ в горной цепи литературы XX столетия, тесно связанной с вершинами предыдущего века», Иванов-Разумник подчеркивал, что и Блока и Белого роднят с классиками минувших эпох русской литературы неустойчивость, неустанный поиск ответа на «проклятые вопросы» своего вре-

¹² ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 6а. В статье «О прошлом и грядущем» (июль 1917 г.) Иванов-Разумник назвал «Петербург» Белого «высшей точкой всего литературного движения последних десятилетий» (Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918, с. 126).

¹³ См. письмо к Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г.: *Cahiers du Monde russe et soviétique*, Paris, 1974, vol. XV, № 1—2, p. 78.

¹⁴ Устав Вольной философской ассоциации. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 12, л. 3.

¹⁵ Впервые в менее полном объеме эти статьи были объединены в кн.: Иванов-Разумник. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., «Алконост», 1919.

мени.¹⁶ В книгу вошли статьи «Андрей Белый» (1915) и «Весть весны» (1918) — о поэме Белого «Христос воскрес», а также две работы о романе Белого — «К истории текста „Петербург“» (1923) и «Петербург» (1923). Последние две статьи (впервые опубликованные в «Вершинах») заслуживают особенного внимания.

Пользуясь неизданными редакциями романа, Иванов-Разумник наглядно продемонстрировал развитие авторского замысла и, многоаспектно сопоставив пространную «сирипскую» редакцию (1913) с сокращенной «берлинской» (1922), показал связь между эволюцией «идеологии» «Петербурга» и изменениями ритмики и публичных средств романа. Белый оценил работу Иванова-Разумника предельно высоко: «Я бесконечно растроган, почти потрясен Вашей изумительной по выводам, столь полной любви ко мне, столь тщательной и кропотливой работой, посвященной редакциям „Петербурга“; читал, изумлялся, почти потрясаясь».¹⁷ В другом письме к Иванову-Разумнику он подчеркивал: «...изумлялся: и тем большим выводам, которые явствуют из этой статьи, и той изумительной, филигранной и трудной работе, которую произвели Вы и которая является совершенно единственной и исключительной во всей русской критике; здесь изумительное сочетание интуиции, проникновения с деталями формального метода, преодоление его изнутри; и мне радостно, что эта огромная, замечательная работа посвящена „Петербургу“».¹⁸

В 1920-е годы Иванов-Разумник был самым близким другом и постоянным корреспондентом Белого. В многостраничных письмах к нему Белый подробно рассказывал о событиях своей жизни, о своих творческих замыслах, делился размышлениями о самых разнообразных предметах. Среди них исключительный интерес представляет огромное письмо от 1—3 марта 1927 г., в котором Белый детально охарактеризовал этапы своего жизненного пути. Письмо это — по существу опыт духовной автобиографии.¹⁹ Письма Белого к Иванову-Разумнику за 1913—

¹⁶ Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 10.

¹⁷ Письмо к Иванову-Разумнику от 18 ноября 1923 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 14.

¹⁸ Письмо к Иванову-Разумнику от 3 ноября 1923 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 14. Во второй половине 1920-х годов Иванов-Разумник собрался написать большое исследование и о романе Белого «Москва». 27 декабря 1926 г. он писал Белому: «Ведь над „Петербургом“ я сидел годами (читал и перечитывал его 10 лет!); дайте срок — поработаю над „Москвой“ хоть годик-другой, тогда, быть может, выйдет что-нибудь дельное» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 65). Замысел этот остался неосуществленным; в архиве Иванова-Разумника сохранились подготовительные материалы к работе о «Москве» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 78, 79).

¹⁹ Письмо опубликовано (с отдельными погрешностями) Жоржем Нива, см.: *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1974, vol. XV, № 1—2, p. 45—82. Написано оно было по просьбе Иванова-Разумника, сообщав-

1932 г.²⁰ — важнейший источник для исследования биографии и творчества писателя. После смерти Белого Иванов-Разумник приступил к комментированию этих писем и подготовке их к печати (работа эта не была доведена до конца). В предисловии к готовившейся публикации он писал: «Этот эпистолярный материал, обширный по объему (40 печ. листов), является в то же самое время в жизни Андрея Белого единственным, охватывающим период 1913—1933 годов <...> В письмах к Р. В. Иванову мы имеем летопись жизни и творчества Андрея Белого за двадцать последних лет его жизни, и притом летопись, начинающуюся как раз там, где обрываются тома его воспоминаний».²¹

Судьба рукописей Белого, сосредоточенных в архиве Иванова-Разумника, сложилась крайне неудачно. Когда началась Великая Отечественная война, Иванов-Разумник жил в г. Пушкине и оказался в зоне фашистской оккупации; весной 1942 г. он вместе с женой был отправлен в один из лагерей под Данцигом. Дом, в котором они жили и где находился весь архив, остался без присмотра. В августе 1944 г., после освобождения Пушкина архив был обнаружен Д. Е. Максимовым в самом плачевном состоянии: дом был разрушен, доски пола содраны и вместе с мебелью и материалами архива использовались для отопления, рукописи в поврежденном виде валялись на земле, в грязи.²² Сохранившиеся материалы архива были доставлены в Пушкинский Дом, многие из них были подвергнуты затем дезинфекции и реставрации. Значительная часть рукописей погибла безвозвратно, от большого количества материалов сохранились лишь обрывки, многие листы фактически не поддаются прочтению.

В 1937 г. в обзоре литературного наследия Белого были перечислены основные рукописи, хранящиеся у Иванова-Разумника, с указанием количества листов (ЛН, с. 628—633). Сравнение данных позволяет наглядно представить урон, который

шего Белому 20 февраля 1927 г.: «Написал издатель, который хочет немедленно же издать книжку „Библиография произведений А. Белого“, — благо, библиографию эту уже ряд лет составляет Д. М. Пшес и теперь уже заканчивает ее. Меня просят дать к этой книжке маленький вступительный очерк на тему „Об этапах творчества А. Белого“ <...> Вот и хочу я просить Вас — помочь мне, выручить меня: кому, как не автору, знать об этапах своего творчества?» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 66). Намеченное издание не было реализовано; библиография Белого, составленная Д. М. Пшесом, позднее предназначалась в качестве приложения к несуществующему изданию «Стихотворений» Белого в издательстве «Academia» в 1935 г. (ГПБ, ф. 60, № 40)

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 4—23. В архиве Иванова-Разумника хранится машинописная копия корпуса писем Белого к нему, дошедшая не полностью и в дефектном состоянии (№ 81).

²¹ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 110, л. 2—2 об.

²² См. воспоминания Д. Е. Максимова о спасении архива сотрудниками Пушкинского Дома (ИРЛИ, поступления 1980 г., № 7).

был нанесен архиву: наборная рукопись «Петербурга» («сирпнская» редакция) составляла по этому перечню 607 л., ныне насчитывается 317 л.; «На перевале. III. Кризис культуры» — по перечню 80 л. рукописи, 46 форм гранок с авторской правкой, ныне 69 л. рукописи и 14 форм гранок; «Воспоминания о Блоке» — по перечню 237 л. беловой машинописи, ныне 86 л., и т. д. От некоторых материалов, бывших в архиве, вообще не осталось никаких следов.²³

Среди творческих рукописей Белого в архиве имеются поэтические произведения. В их числе объединенные в цикл (под номерами I и II) стихотворения «Над долиной мглыстой, в выси синей...»²⁴ и «Асе» («Опять — золотеющей волос...») ²⁵ — беловая рукопись, подготовленная для набора (№ 7); оба стихотворения впервые были опубликованы в книге «Звезда». В неполном и поврежденном виде сохранилась беловая рукопись стихотворений (№ 1, 2), напечатанных под заглавием «Из дневника».²⁶ Этот цикл первоначально состоял из большего числа текстов: кроме опубликованных в его составе шести стихотворений, в рукописи в него были включены «В волне золотистого хлеба...»,²⁷ «Асе» («Опять — золотеющей волос...») и «Асе» («Пришла... И в незнаемый час...»).²⁸ Три этих стихотворения перечеркнуты Белым, нумерация произведений, составляющих цикл, исправлена (изъятые тексты располагались между вторым и третьим стихотворениями цикла).

Несколько стихотворений Белого, опубликованных впервые в 1917—1919 гг. в журналах и альманахах и вошедших в книгу «Звезда», сохранились в беловой машинописи. Среди них знаменитое стихотворение «Родине» («Рыдай, буревая стихия...») ²⁹ в первоначальной редакции (№ 5, л. 6). Первая строфа ее:

Кипи, огневая стихия!
Безумствуй, сжигая меня!
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня! —

²³ В частности, отсутствуют: верстка первых глав «Петербурга» (1912 г.; неосуществленное издание ранней редакции романа); экземпляр романа «Серебряный голубь» (1910), правленный автором в 1914 г. для несостоявшегося издания в «Сирине»; рукописи статей «Учитель сознания (Лев Толстой)» (1920) и «Песнь солнцесосца» (1918); черновики и часть верстки статьи «Жезл Аарона» (1917).

²⁴ Под заглавием «Утро» вошло в кн.: Белый Андрей. Звезда. Новые стихи. Пб., ГИЗ, 1922, с. 52—53.

²⁵ Опубликовано в кн.: Белый Андрей. Звезда, с. 55.

²⁶ Скифы, сб. 1. [Пг.], 1917, с. 1—8. Все стихотворения цикла вошли в книгу «Звезда».

²⁷ Под заглавием «Инспирация» опубликовано в альманахе «Новая жизнь» (сб. 1. М., 1922, с. 3); вошло в «Звезду» (с. 60—61). В рукописи стихотворения — традиционная строфика.

²⁸ Без посвящения опубликовано в альманахе «Скрижаль» (сб. 1. Пб., 1918, с. 57) как второе стихотворение в цикле «К антропософии»; в сборники не включалось.

²⁹ Скифы, сб. 2. [Пг.], 1918, с. 36; Белый Андрей. Звезда, с. 64—65.

в опубликованном тексте развернута в первую и последнюю строфы, образуя композиционное кольцо. Предпоследней строфе канонического текста в первоначальной редакции соответствует заключительная строфа:

Кипит фосфорически бурно
Земли огневое ядро, —
Но в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро.

Стихотворение «Шутка»³⁰ имеет в машинописи (№ 5, л. 9) отброшенные затем заключительные строки (отделенные от основного текста звездочкой):

Пламенно,
Пламенно,
Пламенно —
— обожаю я вас!
Каменной,
Каменной,
Каменной —
— сидите вы бабой.³¹

Черновая рукопись поэмы «Первое свидание» (1921) — наиболее значительный из стихотворных автографов Белого в архиве Иванова-Разумника (№ 4, л. 2—34; № 6, л. 3—10). Хотя сохранившиеся разрозненные листы не охватывают всего текста (полностью черновик занимал 103 листа, см.: ЛН, с. 628), они позволяют проследить характер работы Белого над поэмой — от самых предварительных набросков отдельных стихов, бегло записанных и почти не поддающихся прочтению, до связанных фрагментов, вошедших в окончательный текст в неизменном виде. Текст содержит большое количество вариантов по отношению к окончательной редакции поэмы (напечатанной отдельной книгой в издательстве «Алконост» в сентябре 1924 г.³²); многие строки, двустишия, четверостишия и более пространные фрагменты в черновике зафиксированы в иных сочетаниях, чем в каноническом тексте, без строго продуманной композиции.³³ Так, например,

³⁰ Под заглавием «Паяц» опубликовано в альманахе «Явь» (М., 1919, с. 22—23); под заглавием «Шутка» вошло в книгу стихотворений Белого «Звезда» (с. 24—26).

³¹ Автограф этого стихотворения (с заключительными строками), отправленный Иванову-Разумнику в августе 1917 г. для второго сборника «Скифы», сохранился среди писем Белого к нему (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 8).

³² До этого Белый выступил с чтением поэмы 24 июля 1921 г. на заседании Вольной философской ассоциации (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 1, л. 34).

³³ Редакция поэмы, ближе стоящая к черновой, чем окончательный вариант текста, была напечатана в берлинском журнале «Знамя» (1921, № 2, август, с. 2—12). Композиция поэмы здесь иная, ряд строк канонического текста отсутствует и имеются строки, впоследствии опущенные (см.: ЛН, с. 594—595).

о смерти Владимира Соловьева в черновике говорится:

Он — канул в Вечность без возврата:
В монастыре, среди крестов,
И скоро мы в волнах заката
Прочли: «Владимир Соловьев».
[Воспоминанием и светом
Работает на месте этом!]
Так всякий: поживет; и — помер,
И — принят под такой-то номер.

(№ 6, л. 6)

В окончательной редакции без изменения сохранилась строка 1, строкам 2—4 соответствует другой текст (более пространный — 13 стихов) — описание могилы Соловьева; завершается это описание стихами 7 и 8, которые одновременно заканчивают и вторую главку поэмы.³⁴ Зачеркнутые же стихи 5 и 6 вынесены в четвертую главку, где вновь возникает тема Соловьева.³⁵ Образ философа в черновиках по сравнению с соответствующим эпизодом окончательной редакции обрисован более юмористическими штрихами:

Звонок!.. И вот из бездны лет,
Стреляя взором, точно пульей,
Взойдет всклокоченный шкелет,
Как бы согнувшийся ходулей.
«Володя, здравствуй!»³⁶

(№ 4, л. 25)

Некоторые строфы, сохранившиеся в черновых набросках, не вошли в печатный текст. В частности, о своем юношеском интересе к культуре Индии Белый пишет:

[Как слон бежит на водопой,
Так протянусь, измаясь маем,
Я — Далай-лама молодой
К снегоголовым Гималаям,]
Где обитает рой Ананд,
Где увековечает тайным даром —
Великий делом Даинанд,
Великий духом Дармотарра.

(№ 4, л. 6 об.)

Зачеркнутые четыре строки отсутствуют в соответствующем месте первой главки поэмы, остальные четыре включены в ином варианте;³⁷ двустипшие же о «Далай-ламе» («Как Далай-лама молодой С белоголовых Гималаев») воскресает в заключительной

³⁴ Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 424.

³⁵ Там же, с. 441.

³⁶ Ср.: там же, с. 421—422. Во 2-й строке цитируемого отрывка в автографе Белого «стреляю».

³⁷ Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 407.

части этой же главки.³⁸ Сохранились и два варианта строк, которыми Белый открывает свою поэму:

[Я — стилистический прием!
Анализируют приемы:
Согласных хрусты рушит в томы:
Киркою — рудокопный гном]

(№ 4, л. 15)

[Исследователь рушит томы
Киркой, как рудокопный гном:
Согласных хрусты, идиомы
И стилистический прием]

(№ 4, л. 5)

Окончательный текст — контаминация этих двух вариантов.

В печатном тексте «Первого свидания» возникают евангельские образы Марии и Марфы.³⁹ Среди черновиков поэмы сохранилось стихотворение «Гимн», написанное на таком же печатном бланке, что и большинство листов черновой рукописи; это позволяет датировать стихотворение тем же временем; к тому же оно варьирует указанные образы поэмы. Однако написано оно другим размером и в иной стилистической тональности:

Проливайте,	Неразлучные,
О братья,	Звучные, —
Слезы	Стройтесь
Ясные!	Хорами!
Простирайте	Златокудры,
Объятия	Мудрые, —
В розы	Пойте
Красные!	Взорами!
Знаменуйте,	Над Мариями,
Мудрейшие, —	Марфами
Белым	Пойте,
Каменем!	Отроки!
Заликуйте,	Над Мариями,
Юнейшие, —	Марфами, —
Белым	Сойте
Пламенем! . .	С арфами!

(№ 4, л. 1)

В архиве сохранились также рукописи, относящиеся к переработке первой книги стихов Белого «Золото в лазури» (1904) (№ 3, 18 л.). Иванов-Разумник надписал на обложке: «Все включенные сюда листки — 1921 года, когда А. Белый начал снова перерабатывать свои стихи для издания 1921 года „Собрания стихотворений“». ⁴⁰ На первоначальный текст нанесена правка — мпо-

³⁸ Там же, с. 411.

³⁹ Там же, с. 432.

⁴⁰ Белый занимался переработкой «Золота в лазури» и ранее, в 1914 и 1916 гг., готовя двухтомное собрание стихотворений, в первом случае для «Сприна», во втором — для издательства В. В. Пашуканиса (оба издания не были осуществлены). В 1920—1921 гг. Белый подготавливал стихотворения для своего собрания сочинений в издательстве З. И. Гржебина

гочисленные черновые, малоразборчивые наброски.

В неполном виде сохранился экземпляр первого тома собрания стихотворений Белого, подготовленного им к печати в 1931 г. (№ 8, 98 л.). Это беловая рукопись рукой К. Н. Бугаевой (Васильевой), второй жены писателя (1886—1970). Произведения из ранних книг переработаны здесь во многих случаях до неузнаваемости.⁴¹ Часть переработанных стихотворений и большинство стихотворений, написанных после выхода в свет последнего сборника стихов Белого «После разлуки» (1922), опубликованы.⁴² Приведем два стихотворения из сборника 1931 г., в печати не появлявшиеся.

Старый бард

Как хрусталами
Мне застрекотав,
В луче качаясь,
Стрекоза трепещет;
И суетясь
Из заржавевших трав, —
Перевертная
Ящерица блещет.

Вода, — как пламень;
Небо, — как колпак...
Какой столбняк
В застеклянных взорах!
И тот же я
Потерянный дурак
В Твоих, о Боже,
Суетных просторах.

Вы — радуги, вы —
Мраморы аркад!
Ты — водопад
Пустых великолеший!..
Не радует
Благоуханный сад,
Когда и в нем, —
Как в раскаленном склепе...

Над немотой
Запеленных лет
Заговорив
Сожженными глазами, —
Я выкинусь
В непереносный свет
И изойду,
Как молньями, — слезами.

(не реализованного); 3-й том этого издания должен был включать «Золото в лазури» (ЛН, с. 576). Часть стихотворений из «Золота в лазури» в новой редакции вошла в книгу Белого «Стихотворения» (Берлин—Пб.—М., изд-во З. И. Гржебина, 1923).

⁴¹ О мотивах, которыми руководствовался Белый при переработке текстов, и о композиции циклов этого неизданного тома стихов см. в авторских предисловиях к нему (Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 560—569).

⁴² Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 474—540.

Я — чуть живой,
Стрелой пронзенный бард —
Опламенен
Тоской незаживною,
Как злой, золотоголавый
Леопард,
Оскаленный
Из золотого зноя.

Кучино. 1931.

(№ 8, л. 38—38 об.)

В стране золотого руна

Плески
И писки.

И блески,
Как диски...
Золотые
Языки
Солнца;

Пески...

Бытие —
Все —
— Омолнено.

Груды
Утесов —
В огне...

Все —
— Будь
Мне —
— Преисполнено —

Тоски, —
— Как —
— Лёт
Альбатросов...

И —
— Рыбий
Мир...

Бросили золотые зыби,
Качаясь,
Как чайка, —
— Крылатые челны...

Эфир —
Горит; —
— И —
Солнечный щит
Летит —
— В волны.

Свет
Дня —

Свет
Мира.

Нет, —
— И —
— Затмились сирю
Стремительные
Шири...

Взвей
Мне
Сон
Прежних дней, —

Душесутильное
Цихис-Дзири!..

И, —
— Как дуновение —

— Язон,
Медея,
Змей!..

И —
— Пение
Орфея.

Цихис-Дзири. 1927.

(№ 8, л. 49—49 об.)

Второе стихотворение написано во время путешествия по Кавказу (в Цихис-Дзири Белый жил в апреле—мае и в июне 1927 г.⁴³). Непосредственные впечатления Белого окрашивались осознанием того, что он находится в древней Колхиде, куда странствовали некогда аргонавты, символизировавшие его юношеские мифотворческие построения.⁴⁴ В четвертый отдел («Белые стихи») своего собрания стихотворений (1931) Белый включил переработку раннего прозаического этюда «Аргонавты» (1904). Действие в новом варианте этого произведения перенесено в Цихис-Дзири, а прежние образы «перелицованы» в пародийно-юмористическом ключе.⁴⁵

Большое место в архиве занимают прозаические произведения Белого — черновики, беловые рукописи, машинопись, гранки и верстка с авторской правкой. Среди них «сирийская» редакция «Петербурга» и отдельные листы, относящиеся к ранней стадии

⁴³ См.: Белый Андрей. Передвижения (1921—1933 гг.). — ГБЛ, ф. 25 (архив А. Белого, новое поступление). См. также книгу Белого «Ветер с Кавказа. Впечатления» (М., «Федерация», 1928).

⁴⁴ См. об этом в нашей статье «Мифотворчество „аргонавтов“» в кн.: Миф — фольклор — литература. Л., 1978, с. 137—170.

⁴⁵ Кроме «Аргонавтов» в отдел «Белые стихи» (№ 8, л. 85—94) входят «Волосатик» и «Ревун» (переработка соответствующих лирических отрывков) из «Золота в лазури», а также «Сказание об Али-бабс» (Кучино, 1929).

работы над романом (№ 23, 24, 30, 72),⁴⁶ а также неизданная пьеса «Петербург» («Историческая драма А. Белого. 5 актов. 10 картин. Рукописный текст»). Это инсценировка романа (1924), сохранившаяся почти полностью (лишь отдельные листы дошли в дефектном виде) (№ 25). Сохранились 13 форм гранок «Путевых заметок» Белого (№ 66), датированные мартом—апрелем 1912 г. Они представляют раннюю редакцию этого произведения, готовившуюся к печати в издательстве «Мусагет», но так и не вышедшую в свет. Впоследствии Белый издал книгу в переработанном виде. Гранки охватывают окончание текста, описывающего пребывание в Палермо, главы «Перед Тунисом», «Арабские кварталы» и первые строки главы «Арабские кафе».

Разнообразные материалы отражают работу Белого над романами «Котик Летаев» и «Крещеный китаец», но все они воспроизводят текст далеко не полностью. «Котик Летаев» представлен первыми и заключительными страницами белой рукописи (№ 13, 8 л.), листами наборной машинописи с авторской правкой (№ 14, 54 л.) и отдельными листами гранок и верстки (№ 15, 5 л.). Материалы по «Крещеному китайцу» дошли в большом объеме: первоначальные редакции текста (автограф — № 18, 26 л.; № 19, 41 л.), отрывки белой рукописи (№ 20, 21 л.), разрозненные листы машинописи с незначительной авторской правкой (№ 21, 20 л.). Сохранились также самые предварительные черновые наброски (№ 12, 22 л.; № 16, 8 л.; № 17, 41 л.).

Отдельные разрозненные листы относятся к «Запискам чудака» — одна форма гранок (№ 27) и дефектный отрывок белой машинописи без правки (№ 10, 8 л.). Специального внимания заслуживает черновая редакция этого произведения — «Воспоминания странного человека» (1917—1918?), существенно отличающаяся от опубликованного текста:⁴⁷ в частности, в ней гораздо сильнее выражено мемуарное начало и подробнее рисуются картины молодости Белого, его переживания и встречи на рубеже веков (№ 11, 92 л.; № 31, 7 л.).

Наборная рукопись и гранки книги «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб., «Алконост», 1918) содержат существенную авторскую правку и ряд отрывков, не вошедших в окончательный текст (№ 56, 57). Сохранилась также (без последнего листа) белая исправленная рукопись статьи «Весенние мысли» (№ 55, 13 л.), напечатанной под рубрикой «На перевале» в журнале

⁴⁶ Результаты изучения рукописи «Петербурга» приводятся Л. К. Долгополовым в готовящемся издании романа в серии «Литературные памятники».

⁴⁷ Наиболее полное издание см.: Белый Андрей. Записки чудака, т. I, II. Берлин, «Геликон», 1922. Предварительные публикации см.: Белый Андрей. 1) «Я». Эпопея, т. I. Записки чудака, ч. 1. Возвращение на родину. — В кн.: Записки мечтателей, № 1. Пб., «Алконост», 1919, с. 9—71; № 2. Пб., 1921, с. 5—95; 2) Возвращение на родину. (Отрывки из повести). [М.], Книгоизд-во писателей в Москве, 1922, 88 с. Отрывки публиковались также в журналах и альманахах.

«Наш путь» вместе со статьей Белого «Революция и сознание современности»⁴⁸ (рукопись ее также ранее хранилась у Иванова-Разумника — ЛН, с. 632). «Воспоминания о Блоке» представлены отрывком белой машинописи (№ 32, 86 л.) и двумя листами верстки с правкой (№ 33).⁴⁹

Философский этюд «Так говорит правда» представлен ранней редакцией (белая рукопись — № 74, 12 л.). Ход рассуждений в ней тот же, что и в опубликованном варианте,⁵⁰ но форма изложения более традиционная. В окончательном виде текст разбит на отдельные максимы и рассуждения афористического характера, в духе соответствующих опытов Ницше; все «афоризмы» распределены по тематическим рубрикам. В первоначальной редакции текст не сжат до афоризма, он более пространен и лишен внутреннего членения.

Сохранился сильно поврежденный автограф статьи о поэзии Блока — подробный анализ эвфонической структуры стихотворения «Есть в напевах твоих сокровенных...» (№ 63, 12 л.). Иванов-Разумник пометил на первом листе, что эту работу Белый написал в Царском Селе в январе—феврале 1917 г. «как введение в писавшуюся тогда же статью „Глоссолоалия“». Однако «поэма о звуке» «Глоссолоалия» вышла в свет в 1922 г. без этого «введения». Генетически работа была связана со статьей «Поэзия Блока», написанной Белым в 1916 г.⁵¹ К более позднему времени относятся материалы для изучения образной системы Блока — выписки цитат (в хронологической последовательности) из его стихотворений по рубрикам: «Месяц. Солнце. Небо. Воздух. Земля. Огонь. Вода. Ветер», «Дождь. Туча. Облако. Пространство», «Ночь. День. Утро. Вечер» и т. д. (№ 50, 22 л.).⁵² Результаты этих изысканий отражены в главах «Воспоминаний о Блоке», посвященных разбору поэтики Блока и эволюции его образности.⁵³

Среди черновых материалов к прозе Белого особый интерес представляют предварительные наброски к роману «Москва»; из

⁴⁸ Наш путь, 1918, № 2, с. 119—133.

⁴⁹ Планировалось также печатание «Воспоминаний о Блоке» в издательстве «Эпоха» (№ 34). Однако отдельное издание мемуаров не было осуществлено.

⁵⁰ Записки мечтателей, № 5. Пб., «Алконост», 1922, с. 108—126.

⁵¹ Опубликована в «сборнике Клуба московских писателей» «Ветвь» (М., «Северные дни», 1917, с. 267—283); под названием «А. Блок» вошла в кн.: Белый Андрей. Поэзия слова. Пб., «Эпоха», 1922, с. 106—134.

⁵² Изучение поэтов с точки зрения отображения в их творчестве природных стихий проводилось Белым и ранее, см. его статью 1916 г. «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (Белый Андрей. Поэзия слова, с. 7—19).

⁵³ См.: Эпопея, № 1—4. М.—Берлин, «Геликон», 1922—1923. Фрагменты из этих этюдов Белого о поэзии Блока были скомпонованы и перепечатаны Ивановым-Разумником под названием «„Снежная Маска“ А. Блока» в кн.: Современная литература. Сб. статей. Л., «Мысль», 1925, с. 15—22. См. об этом: ЛН, с. 618.

35 листов, имевшихся у Иванова-Разумника (ЛН, с. 633), сохранилось только 8. Рукопись относится к самой ранней стадии работы над этим романом, т. е. к 1924 г. Среди уцелевших листов — отрывочный, конспективный набросок под названием «Коробкин», к которому Белый впоследствии сделал приписку карандашом: «Первый листок, из которого вышла „Москва“, т. е. план, задание и все прочее; мыслилась повесть „Жизнь И. И. Коробкина“. Автор» (№ 22, л. 2).⁵⁴ Сохранился и первоначальный план произведения (оно должно было, по предварительным подсчетам Белого, занимать 12 печатных листов):

«Слом

- Глава 1. Благополучная жизнь (застал с горничной).
2. Преступление сына (продавал книги, подлог).
3. Подлость попечителя Округа. Война.
4. Ревматизм. Измена жены. Сын на войне: пассивист.
5. Революция февральская.
6. Революция октябрьская: сын белогвардеец.
7. Трудные годы.
8. Жизнь за границей. (Встреча с сыном: кельнер: Сви-немюнде⁵⁵).
9. Возвращение: картина России. Смерть» (№ 22, л. 6).

Как видим по предварительному плану глав, основной конфликт романа должен был касаться отношений отца и сына и развиваться в русле семейной истории на фоне крупных исторических событий. Отчетливо прослеживается в этом замысле связь с коллизиями «Петербурга» и «Крещеного китайца». В плане еще нет основного сюжетного стержня «Москвы» — темы международного заговора вокруг профессора Коробкина с целью завладеть его научным открытием; еще никак не фигурирует один из основных персонажей романа — авантюрист Мандро. Первые две

⁵⁴ «В конце года начинаю писать роман „Москва“, — вспомнил позднее Белый о своей работе в 1924 г. (Белый Андрей. Материалы к биографии. 1919—1927 г. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 98). Сохранился также лист с надписью Иванова-Разумника: «Осиновый листик. „Москва“» (№ 59). Сам засушенный осиновый листик, прикрепленный к бумаге, не уцелел. Иванов-Разумник записал в этой связи: «Тема „Москвы“. Осиновый листик — желто-черно-красный, — давший А. Белому основную тему романа „Москва“ <...> Подарен мне К. Н. Васильевой в январе 1927 года» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 78, л. 3).

⁵⁵ В Свиномюнде (морском курорте в Померании на о. Узедом, близ Штеттина) Белый жил летом 1922 г. В архиве Иванова-Разумника сохранилась групповая фотография: Андрей Белый, С. Б. Урицкий (советский журналист, издательский работник, впоследствии ответственный секретарь журнала «Наши достижения») и Е. Я. Беллицкий (член управления Петроградского Совета, знакомый Белого и Блока), сделанная в Свиномюнде летом 1922 г. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 6, № 27).

из намеченных по плану глав в модифицированном виде были реализованы в первой части «Москвы» — «Московском чудеке».

Сохранилась копия дарительной надписи Белого Иванову-Разумнику на этой книге (М., «Круг», 1926):

«Дорогой Разумник Васильевич, —

— с радостью и страхом

Вам: —

— ведь для Вас да для
двух-трех друзей и
писано. С лю-
бовью А. Белый.

Москва, 31-го августа 26 года» (№ 82).

Большое количество материалов отражает работу Белого в Вольной философской ассоциации. Вопросы, связанные с ее основанием, Белый и Иванов-Разумник обсуждали еще в феврале 1919 г. К организационному ядру ассоциации примкнули также А. А. Блок, Конст. Эрберг, А. А. Мейер, А. З. Штейнберг, К. С. Петров-Водкин и др.⁵⁶ Программа деятельности «Вольфилы» включала проведение открытых воскресных заседаний, на которых обычно читался какой-либо доклад, а затем проходило его обсуждение. Руководители ассоциации вели, кроме того, кружки по отдельным отраслям философского, эстетического и научного знания. В отчете о работе «Вольфилы» за 1919—1920 гг., составленном, по всей вероятности, при непосредственном участии Белого (стоявшего во главе совета), подчеркивалась непосредственная связь ее деятельности с революционным моментом: «От обычного типа философских обществ, какие существуют за границей и существовали до недавнего времени и у нас, Вольная философская ассоциация отличается прежде всего тем, что философию она не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общности и общественность эту мыслит не иначе, как в свете всепроникающего творческого начала беспредельной волею <...> В новой культуре, которая должна народиться после великих потрясений современности, не должно быть места ни для поверхностной жизни, ни для кабинетной философии <...> новая Ассоциация ставит себе задачи неизмеримой важности и столь же неизмеримой широты — реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии и реформирование философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, т. е. напряженно стремительна и жизненно действенна».⁵⁷ В программе деятельности «Воль-

⁵⁶ См.: Белый Андрей. Вольная философская ассоциация. — Новая русская книга. 1922, № 1, с 32—33

⁵⁷ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 9, л. 1—2. В архиве Иванова-Разумника сохранилось большое количество материалов, относящихся к деятельности «Вольфилы» (ф. 79, оп. 1, № 150—159; оп. 5, № 1—18); в их числе печат-

фильмы», таким образом, сочетались старые символистские представления о «жизнетворческой» синтетической философии с попыткой их актуализации, приспособления к насущным задачам духовного самоопределения в изменившемся мире.

Белый постоянно участвовал в работе «Вольфильмы» во время своего пребывания в Петрограде в феврале—августе 1920 г. и в апреле—сентябре 1921 г. Он прочитал курсы лекций — «Культура мысли» (9 лекций, с 9 по 30 марта 1920 г.) и «Антропософия как путь познания» (9 лекций, с 15 мая по 20 июня 1920 г.),⁵⁸ постоянно председательствовал на заседаниях и участвовал в прениях, выступал с собственными докладами. В силу новизны деятельности созданной ассоциации, отсутствия образцов и опыта, а также значительного диссонанса между основными тенденциями ее философских устремлений, в целом достаточно умерительных и конкретными задачами революционного изменения жизни, возникали дискуссии о направлении общей работы. Они были вынесены даже на публичный диспут «Что такое Вольфильма», состоявшийся 16 мая 1920 г.⁵⁹ По всей вероятности, к этому заседанию восходит стенограмма речи Белого, обильно им исправленная (№ 61).⁶⁰ Говоря о необходимости уделять больше внимания внутренней организационной работе, деятельности кружков, Белый коснулся своего излюбленного тезиса о соединении философии и жизни: «... идея, подобная этой, является идеалом моих устремлений; я, в меру ограниченных сил, ищу почвы конкретного осуществления этой идеи. И первое, на что натываюсь: для осуществления во мне мне нужна связь с другими исканиями, с другими путями, сопараллельными мне <...> Цели наши двояки: быть органами соединения душ, привлеченных вопросам жизни, здесь выставленными; и постоянно прислушиваться к собственным звукам души, чтобы звуки души соединились с вопросом, поставленным здесь, в гармоническом созвучии; руководство — только в стремлении к созвучию» (№ 61, л. 5—6).

Среди заседаний, организованных «Вольфильмой», одним из самых предважнейших было собрание 21 марта 1920 г., проведенное в Зимнем дворце, — «Беседа о пролетарской культуре».⁶¹

ные афиши докладов и заседаний (оп. 5, № 1), рукописные и машинописные объявления (оп. 5, № 8), протоколы заседаний совета «Вольфильмы» (оп. 5, № 13) стенограммы выступлений, планы работ, схемы и т. д.

⁵⁸ Белый Андрей. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 11 об.—12.

⁵⁹ Стенограмма выступлений сохранилась не полностью и в дефектном виде (ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, № 18).

⁶⁰ Стенографическая запись не имеет начала; нумерация сохранившихся листов, исправленных Белым, — 45—53.

⁶¹ В планах изданий «Вольфильмы» значился сборник «О пролетарской культуре», в основу которого предполагалось положить стенографическую запись этой беседы и речи Андрея Белого, П. П. Гайдебурова, Иванова-

Тема обсуждения была чрезвычайно острой, злободневной и дискуссионной, и заседание «Вольфи́лы» тем самым закономерно вписывалось в общую картину литературно-эстетических споров того времени. Белый председательствовал на нем и открывал его речью, в которой свои рассуждения базировал на словах Энгельса о будущем социальном строе как переходе от царства необходимости к царству свободы. В пролетарской культуре, существующей пока только в устремлении, Белый увидел импульс к «свободному излучению человеческого творчества» в будущем царстве культуры.⁶² Со стороны футуристов в беседе участвовал В. Б. Шкловский, утверждавший, что «пролетарское искусство из пролетарской революции не выйдет», так как пролетарские поэты бегут из Пролеткульта учиться у старых писателей.⁶³ Белый возразил Шкловскому, подчеркнув, что пролетарские писатели лишь стремятся «развивать свои взгляды на искусство, которые не совпадают с футуризмом», и что многие из них «интересно и совершенно конкретно <...> относятся к вопросу о пролетарском искусстве и <...> далеки от тех широковещательных лозунгов, которые тов. футуристы вкладывают от имени пролетариата в пролетариат».⁶⁴ В подтверждение своих слов Белый намекал на собственный опыт общения с пролетарскими писателями: в 1918—1919 гг. он с увлечением работал в литературной студии Московского Пролеткульта — вел семинары с начи-

Разумника. А. С. Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга и Конст. Эрберга (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 8, л. 68). Книга в свет не вышла.

⁶² «Беседа о пролетарской культуре» в Вольной философской ассоциации. Стенограмма речей. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 2, л. 1—9 (речь Белого). Текст выступления Белого лег в основу его статьи «Прыжок в царство свободы», напечатанной в журнале «Знамя» (1920, № 5 (7), стб. 42—48). Там же (стб. 37—42) была помещена статья Иванова-Разумника «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация», основанная в свою очередь на его выступлении. В устном выступлении Белый более решительно, чем в опубликованном тексте, возразил против нигилистического отношения некоторых пролеткультовских теоретиков к культурному наследию: «...если всю культуру, организованную буржуазией, необходимо сдать в архив, то мы должны сдать в архив и все наши собственные представления о пролетарской культуре вместе с произведениями искусства; должны ликвидировать и Бетховена, и Шекспира; и — прийти к парадоксальному утверждению: дважды два четыре есть аксиома математики; математика является порождением науки буржуазной; в будущей культуре дважды два будет не четыре, а может быть пять. Вот к какому абсурду мы приходим <...> Задача пролетариата не в том, чтобы быть культурно милитантной, ликвидирующей нашу культуру; пролетариат должен остановиться перед этой культурой и высвободить ее из буржуазных оков» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 2, л. 6—7). Против «сбрасывания за борт культурных ценностей» выступал и А. А. Гизетти, подчеркнувший, что «культура будущего творится из живой связи с минувшими эпохами» (там же, л. 26—31).

⁶³ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 2, л. 24.

⁶⁴ Там же, л. 31—32.

нающими поэтами, читал курсы лекций по ритмике стиха и по теории художественной прозы, участвовал в пролеткультовском журнале «Горн».

2 мая 1920 г., также в Зимнем дворце, под председательством Белого состоялась «беседа об Интернационале» — по поводу 300-летия «Города Солнца» Кампанеллы. В это время в устремле-

ВОЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АССОЦИАЦИЯ.

В Воскресенье, 2-го Мая 1920 г.,

СОСТОИТСЯ XXIV ОТКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

СОЛНЕЧНЫЙ ГРАД

(Беседа об Интернационале).

П Р И У Ч А С Т И И

**Андрей Белого,
С. А. Венгерова,
Льва Дейча,
Иванова-Разумника,
В. Л. Нибальчича,
А. А. Мейера,**

**М. В. Орехова,
Н. С. Петрова-Водкина,
Н. Н. Пунина,
П. А. Соронина,
А. З. Штейнберга,
Конст. Эрберга**

И ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ.

Начало в 2 часа дня.

ВХОД СВОБОДНЫЙ.

НИКОЛАЕВСКИЙ ЗАЛ ДВОРЦА ИСКУССТВ (В ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ)

ВХОД С НЕВЫ С ИОРДАНСКОГО ПОДЪЕЗДА

Афиша заседания Вольной философской ассоциации. 1920 г.

ниях Белого к будущему гармоническому мироустройству, подкрепляемых реальностью осуществленного революционного переворота, утопические проекты стали играть особенно значимую роль. «Осуществится „фантазия“ <...>, — писал Белый, — и в миг стгорания вскрикнет мечтатель: вот Солнечный град Кампанеллы спустился, вот мы — в Граде Солнца! По слову мечтателя вступим мы в Солнечный град».⁶⁵ В фантазиях Белого на новый лад модифицировались изначально характерные для него эсхатологические и «космические» мотивы, обрастая актуальным для того времени содержанием; в этом отношении рассуждения о структуре Города Солнца, о том, что следует понимать под Интерна-

⁶⁵ Alter Ego [Белый Андрей]. Утопия. — В кн.: Записки мечтателей, № 2—3. Пб., «Алконост», 1921, с. 144.

ционалом, и о перспективах построения «братского» органического строя жизни закономерно вливаются в одно русло. Интерес к теократической утопии Кампанеллы, безусловно, подкреплялся антропософским опытом писателя. Храм Солнца с его «астрономической» организацией и пантеистической символикой неизбежно должен был вызывать в сознании Белого аналогии с Гетеанумом — антропософским «храмом», задуманным по довольно похожему проекту, в строительстве которого под руководством Р. Штейнера он участвовал в 1914—1916 гг. Иерархическая структура государства Кампанеллы и лежащий в ее основе принцип моральной регуляции общественной жизни вполне согласовывались с теми представлениями о «коммуше» едипомышленников, занятых общим делом, которые оформились у Белого за время этой работы и сказывались в «вольфильские» годы. Стенограмма речи Белого, открывавшей беседу, сохранилась полностью; приводим ее в извлечениях (№ 71, 8 л.):

«Солнечный Град! Почему мы так именно озаглавили нашу беседу? Не все присутствующие знают, что в этом году исполняется 300 лет со дня появления в печати сочинения монаха Фомы Кампанеллы, которое вышло в свет в 1620 году. В это время имя Кампанеллы гремело в Европе; его утопия вызывала толки; сам он находился в темнице, где он провел около 27 лет. В его сочинении, как и в утопии Томаса Мора (как и у Платона), встречаются впервые нас коммунистические идеи. Приурочивая беседу к празднованию Интернационала, следует пожелать, чтобы мученик-революционер Кампанелла был достойно почтен современниками. Мы видим памятники деятелям социализма; но забываются первые имена социалистов. Утопия Кампанеллы не может служить руководством в наших представлениях о социализме; однако как устремление к будущему она интересна; было бы желательно видеть в России памятник Кампанелле, который так мужественно поставил проблемы теперешних дней и который всю жизнь испытал на себе в ряде пыток власть деспотов; он выступал от теократического интернационала; он был монах-доминиканец. В теократии видел он подлинный Интернационал; по вся постановка вопросов, связанных с Интернационалом, у него новая<...>

Мы живем в мировой революции; Интернационал поднимает свой голос; острее и острее мы ставим вопрос, что он есть? И — как понимать его? <...> Обратные стороны интернациональности знаем мы: где установлены всеобщие нивелирующие формы, там стираются красоты народной культуры; например, в Тупиши имеется прекрасная архитектура; появляются иностранцы; и вносят свои интернациональные формы, пригодные для Европы, но непригодные для африканского климата и национального быта, который стирается в них, уступая место нивелирующим машинам цивилизации; в заданиях Интернационала есть огромные преимущества, но и опасности <...> Растущая специализация труда

в эпоху власти капитала создает техническое разделение людей, отражающееся на их мирозерцании, в самом взгляде на вещи и на природу вещей. Тема Интернационала нам ставит вопрос о специализации, формах труда и отражении его на человеческой психике, стирающем индивидуальные особенности человека и размножающем стереотипы (тип текстильщика, отпечатанный в многих тысячах экземпляров, тип металлиста) <...> Вопросы организации могут выявить перед нами представление об Интернационале, не имеющем отношения к механическим представлениям о механически сложном Интернационале; может возникнуть иной идеал Интернационала, где люди соединяются по глубочайшим своим устремлениям, философским, культурным и эстетическим; в этих „второго порядка“ коммунах близкое слово „товарищ“ заменяется еще более близкими: „брат“ и „сестра“; может быть, сможем тогда говорить о заданиях Интернационала как о свободном объединении, где все человечество, взявшись за руки „братски“, организует всемирное братство любви; в Интернационале, который есть не только нечто междулежащее, но и нечто соединяющее, окончательно организующее, будет осуществляться интернационал искусств, интернационал наук, интернационал языков и других проявлений культуры <...>

Но все то уже намечается в утопии Кампанеллы; не будем брать его с точки зрения научной значимости; научная значимость его невелика; просто дороги первые образы, строящие социалистический идеал коммунизма и интернационализма; приблизим те образы: мы увидим — на всей конструкции Кампанеллова Града лежит печать глубокого органицизма. Солнечный Град тщательно нарисован монахом-философом; явлено расположение улиц и самая форма огромного храма, который стоит посредине: тот храм состоит из семи кругов; каждый круг освещается отдельной планетой; подробно описано внутреннее расположение храма. Религия Града глубоко космична; человек здесь сливается с космосом; сообразно с слиянием этим весь быт, законченный, внятно подслушан у самой природы; государственное устройство слиянно с природою нашей).

Далее Белый пересказывает систему, по которой строится Город Солнца Кампанеллы,⁶⁶ и заканчивает свои рассуждения словами: «В Солнечном Граде заложены идеалы органического коллективизма; человечество и вселенная связаны в нем; этот Град вырастает цветком из недр мира; он светит; и оттого оп — Град Солнца. В своей ранней утопии Кампанелла еще не коснулся эко-

⁶⁶ Сохранился также автограф Белого — сведения о биографии Кампанеллы, чертежи, изображающие структуру Города Солнца, и общие сведения о внутренней организации этой теократической республики (ГБЛ, ф. 25, карт. 3, № 8). О структуре «Храма Солнца» Белый вспоминает также в письме к Иванову-Разумнику от 30 августа 1929 г., говоря о модели армянского храма Звартноц (Андрей Белый об Армении. Публикация К. Григорьяна. — Литературная Армения, 1967, № 1, с. 81).

номической жизни; важно, что в чаяниях своих он узрел органический коммунизм, чуждый всякой механике. Выдвигая проблему о понимании будущего Интернационала, мы видим два образа: образ машинного строя, стирающего индивидуальности психики, языка и культуры, и образ, слагающий языки, души, стили в венец человеческих душ; и язык языков, вырастающий из братского соплетенья наречий, мы видим в грядущем. И на вопрос — интернационал или сонационал — отвечает монах Кампанелла: „Сонационал!“.

Работу Белого в Вольной философской ассоциации отражают также черновые конспективные наброски к лекции «Что такое максимализм» (№ 45, 4 л.), прочитанной в апреле 1921 г.,⁶⁷ автограф «Программы деятельности кружка сознания (духовной культуры)» (№ 64, 2 л.), записи на заседаниях (№ 39, 40), наброски, схемы, цветные чертежи к лекциям, характеризующие историю религиозной и философской мысли (№ 77, 58 л.), расписание работ кружков (№ 44), библиографические заметки (№ 29, 15 л.) и некоторые другие разрозненные материалы.

Кроме Вольной философской ассоциации, Белый выступал в Петрограде в 1920—1921 гг. с докладами также в Доме искусств. Сохранились карандашные наброски его выступления на тему «О художественном языке» (№ 60, 5 л.),⁶⁸ дающие дополнительный материал к теме поэтического слова в трактовке Белого. Начало изысканиям в этой сфере было положено еще статьями «Магия слова» (1909)⁶⁹ и «Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни)».⁷⁰ С особенной энергией занимается Белый вопросами творчества языка, значения слова и звука в 1916—1917 гг.; тогда им написаны статьи, составившие книгу «Поэзия слова» (1922), статья «Жезл Аарона. (О слове в поэзии)»,⁷¹ «поэма о звуке» «Глоссолалия». Среди неосуществленных замыслов писателя конца 1910-х годов — книга из цикла «На перевале» под названием «Кризис слова»,⁷² в которой судьба современного слова должна была подвергнуться анализу в связи с наблюдаемым Белым кризисом цивилизации и всех первичных условий бытия. Конспект выступления «О художественном языке», возможно, отражает предполагаемую проблематику этого неосуществленного произведения (тему «кризиса слова» Белый разраба-

⁶⁷ Белый Андрей. Себе на память, л. 14.

⁶⁸ Белый выступал с этим докладом, вероятно, на своем вечере в Доме искусств 1 марта 1920 г.; вторым отделением программы было чтение «Записок чудака» (Белый Андрей. Себе на память, л. 12 об.).

⁶⁹ Напечатана в кн.: Белый Андрей. Символизм. М., «Мусажет», 1910.

⁷⁰ Логос, кн. 2. М., «Мусажет», 1910, с. 240—258.

⁷¹ Скифы, сб. 1, с. 155—212.

⁷² Она анонсировалась как готовящаяся к изданию четвертая книга этого цикла в каталогах издательства «Алконост», прилагавшихся к книгам Белого «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб., 1918) и «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб., 1918).

тывает также в статье «Жезл Аарона»). Воспроизводим его, опуская неразвернутые суждения тезисного характера.

«О худ<ожественном> языке
(конспект лекции в «Доме Искусств» в Петр<ограде>)

Глубокие тайны лежат в языке. В громе говорюв — смыслы Огромного Слова, по отношению к которому все богатство развития многообразья наречий лишь части, слагаемые невероятного Слова, возможного в будущем. Весь язык человека, дар речи, развивший нам пышные кроны словесного леса, лишь малая поросль грядущего; и как ни странно сказать: наш язык, прокатившийся в тысячелетиях времени, — лишь ребенок; [и мы], произнося, заклиная словами невнятицу жизни вокруг, — лишь младенцы, агукаем мы по отношению к тому слову, которое разовьется в грядущем, которое вырастим мы из ветшающих смыслов теперешней речи.

Приближая проблему словесности и вникая деятельнее, мы вступаем в круг явного противоречия: 1) с одной стороны, видим мы, как отдельные языки оскудевают в значениях; слово становится стертым; стирается образ: понятие заменяет его; всюду видим мы красочность, образность, сочность народного крепкого слова, — и видим, как образность эта в разгонах столетий тускнеет и блекнет; сперва потухает звук слова, и *рдр* — *рудый*, *рдяный* становятся знаком абстрактным для выражения образа „красный“; и далее образ-метафора „как у голубя“ гаснет — становится прилагательным *голубой* для выражения такого-то спектрального цвета; за образом гаснет значение слова, как чего-то конкретного, и выявляется *термин*, *абстракция*; термины далее в целях удобства сблизжаются со словами угаснувших языков (латыни и греческого); терминологический *смысл*, преодолевая народность, становится международным; мы можем сказать, что при чтении, например, физической, химической и философской книги нам не важно, на каком языке мы читаем (по-латыни, порусски, <по>-немецки, по-итальянски); мы можем понять мысли ученого и философа, не изучая язык его, и наконец в математике вовсе нам речь не нужна: язык знаков господствует здесь, а язык *звучных слов* упразднен без остатка. Так, видя, как медленно умирает, ссыхаясь, пародное, сочное слово, мы можем сказать: многолиственное словесное древо засохло; оно — облетело; и перед нами — абстрактный и голый ствол слова: безлиственны и безобразны прутья теперешней терминологической речи; вся красочность древней речи угасла; но смысл, отвлекаясь от образа, преодолев национальность, международен воистину. И поскольку не слово, а *знак* треугольника, Δ , $\frac{mv^2}{2}$, $P + K = const$ — становятся наиболее совершенным понятием треугольника, живой силы и принципа сохранения энергии, постольку международный,

может быть в будущем междупланетный, язык *бессловесен*; и слово — угасло.

Так видим с одной стороны; а с другой стороны: анализируя строгими методами все богатство словесности, мы встречаемся с *океаном* красот, не осознанных до недавнего времени в произведениях словесного творчества: миры образов: метонимий, метафор, синекдох и прочих троп речи — превышают в тончайшем узоре все то, что об этих фигурах сказали нам поэтики и риторики прошлого, Аристотель, Квинтиллиан и позднейшие философы языка вроде Гумбольдта и Потебни; *мир звуков* в науках о звуке эвфонии, ритмике, метрике встает в небывалой еще красоте; когда мы этот мир изучаем новейшими, научными способами и проводим мирный, в последствие оставшийся материал через призму новейших подходов к художественной словесности, то сквозь стекло микроскопа мы видим, что тайны поэзии не только *народной словесности*, но и новейшей (у Пушкина, Тютчева, Гоголя, Блока, Есенина, у молодых пролетарских поэтов Василия Казина, Александровского⁷³ и других) достигаются необычайным сложением звуков, образов, ритмов и смыслов в необычайную целостность; видим мы: целостность эта достигнута не одним лишь сознательным украшением речи, а бессознательным процессом творения; стало быть: если язык обходный, народный в одном отношении, как язык смысловой, угасает, в другом отношении он, как язык поэтический, продолжает цвести.

Анализируя поэтический материал, мы встречаемся с одним разительным признаком: поэзия одного творца слова достигается аккомпанементом *значения, образом* (воображение, имажинация развивает здесь пышную крону метафор: и целое направление — *имажинизм* выдвигает на знамени слепку из образов, метаморфозу их как главнейшую цель поэтической речи — Есенин и примыкающие пролетарские авторы Казин, Герасимов); у других доминируют ритмы, аккомпанируя смыслом; у третьих — словесная инструментовка: звук слова является аккомпанементом к значению; даже пытаются переместить смысл поэзии к звуку (у футуристов); и даже: в разнообразных стихотворениях разными средствами достигается соединение логических смыслов и *слов*: в стихотворении Блока мы видим то линию ритмов, то линию гласных (в стихотворении «Россия»), то звуки согласных (в стихотворении, где встречаются «звук цыганского напева долетел из дальних зал»⁷⁴); и всегда соединение так называемого

⁷³ См.: Белый Андрей. О стихах Александровского. — Горн, 1918, № 1, с 79—81. Набросок ритмического разбора стихотворения В. Казина «Бреду я вечером на Пресню...» сохранился среди рукописей Белого в архиве Иванова-Разумника (№ 69).

⁷⁴ Неточная цитата из стихотворения Блока «Из хрустального тумана...» (1909); у Блока: «Визг цыганского напева Налетел из дальних зал» (Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 3. М.—Л., 1960, с. 11).

смыслового содержания» с формой, рождая их цельность, которую называем мы *символом*, тешит нас то звуком сладким, то музыкой ритма, то образом — невыразимо волнует; и мы говорим: „Он художник словесности“. Вместе с тем перед нами встает — и невольно! — вопрос, что было бы, если бы все красоты возможные соединились бы в цельности; если бы линии гласных, согласных соединились бы с ритмами, если бы перебой жизни ритмов соединился бы с переборами образов, а эти последние сопровождали бы органически мысли поэта? Такие идеальные произведения хоть не встречаются нас, но вопрос о них можем поднять мы, как ведь поднимается теоретически вопрос о *пра-языке* у лингвистов, хотя языка такого в истории *нет*, он — абстракция кабинетных умов (и подчас — субъективная); если возможен вопрос об *не данном нам языке* пра-арийском, который подглядывают лингвисты в сходствах корней и законах сложения грамматик и проецируют как действительный вглубь истории (Шрадер, Бругманн, Макс Мюллер⁷⁵ и прочие), то возможны вопросы о будущем поэтическом языке, соединяющем целью все средства словесности, ныне раздробленные в индивидуальных и национальных особенностях эстетики речи.

Теоретически мы должны допустить идеал языка, пересекающий все красоты его в одну цельность; но если бы отблеск такого прославленного языка пал на то или другое произведение теперешнего поэта, присутствовали бы мы при преобразении речи; лучи невыразимой, нигде не достигнутой красоты пресуществовали бы нам речь; в этом смысле язык, умирая и рассыкаясь в международные термины, в смысле абстрактных понятий, существовал бы как язык поэтический.

Но что такое язык поэтический: язык образов, звуков и ритмов: ведь смысл языка в терминологии знаний — не в звуках, не в ритмах, не в образах; образность, ритм, звук — все это мешает; вчера на философском докладе я получил комплимент, как художник, но комплимент этот значил: вы не философ: и стало быть: с вами считаться нельзя; но ведь этот вот „комплимент“ обращен не ко мне, а ко всей художественной речи: с ней считаться нельзя; она — смутный бред, интересный лишь как материал для психологических, лингвистических и иных пысканий учено-аналитика; а мы, если мы суть художники слова, мы — кролики, разводимые лишь для опытов физиолога, разрезающих наше слово на части и тем убивающих нас. Потому-то,

⁷⁵ Упоминаются крупные европейские лингвисты: Отто Шрадер (1855—1919) — представитель культурно-исторической школы в языковедении, Фридрих-Карл Бругманн (1849—1919) — один из основателей «младограмматического» направления, Фридрих-Макс Мюллер (1823—1900) — индолог. Книгу Мюллера «Шесть систем индийской философии» Белый читал в июне 1917 г., его же «книгу о языке» — в августе 1917 г.; тогда же он ознакомился с трудом Бругманна «Kurze vergleichende Grammatik» («проглядываю Бругмана») (Белый и Андрей. Работа и чтение. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 6).

когда говорят мне: *о да, вы художник*, я чувствую в этом признании, в „комплименте“ смысл страшный. Мне чудится скальпель анатома, который, разрезав на части меня, в лучшем случае в книге своей отведет мне главу об особенностях моей речи, — ценою *убийства меня*; умереть не хочу я; и потому-то вопрос о всеобщем значении художественной словесности и смысле словесности занимает меня, если я есмь художник; „поэты“ не осознают очень часто, что их содружество с аналитиками речи есть содружество кроликов, до времени кормимых физиологом *до момента физиологического эксперимента*, и кролик, быть может, благословляет кормящую руку; но если б кролик-поэт знал, что рука аналитика слова вонзит нож в его сердце, — быть может, он предпочел бы открытую вражду с аналитиком или, быть может, старался б не утверждать свою речь, *par excellence*, как речь поэта *par excellence*, а постарался бы выявить — возможна ли поэтическая речь как речь *смысловая* и *общезначимая*; разделение языка на поэтический и терминологический есть опасная вещь не только для поэта, но и для терминолога <...>

Действительно: очень глубок и остр вопрос: имеет ли язык поэтический человеческий, общезначимый смысл; и эстет, и лингвист, и гносеолог каждый по-разному *язык поэтический* отделяют от *языка современности*. I) Поэт говорит: *современный* язык сгнил: жив древний, народный язык; но лингвист и логик возражают: народный художественный язык есть язык для познания; мифология — стадия познания; вера в *метафору* в наши дни невозможна; метафора — божество для примитивного языка; а для нас она что — аллегорическая гирлянда, обособляющая языки друг от друга и затемняющая братство смыслов; она отделяет народы от взаимного понимания. II) Но и: гносеолог говорит: *смысл чистый*, антиобразный, антипсихологический: терминология; мысль изреченная — ложь,⁷⁶ универсален не язык, а математический знак.

И поэт, и гносеолог, вычлняя из языка и логику и эстетику слова, проваливают себя <...>

Искомое конкретное мировоззрение еще загадочно, о нем мы можем петь мифы; слагаем поэмы о нем о грядущем: Человек соединит звук, смысл и образ в конкретное единство: и будет международный язык — не язык *терминов*, а язык жестов слов: теперь существуют лишь намеки на это будущее понимание прославленного языка <...>

Язык есть орудие художественного творчества и язык есть орудие *познания*; но познание и творчество, противопоставляясь, уничтожают друг друга. Стало быть, акт познания и акт создания слова должны совпадать: когда-то так было; теперь не так:

⁷⁶ Слова восходят к стихотворению Ф. И. Тютчева «Silentium!»: «Мысль изреченная есть ложь».

но так должно быть; и познание — творчество познаваемой действительности.

Только в такой постановке выпрямляются проблемы и логики, и грамматики».

Высказываемые Белым теоретические воззрения на судьбу слова связаны с многочисленными в ту пору и разнонаправленными исканиями новых средств художественной выразительности, продиктованными в значительной степени, как и у Белого, протестом против нивелированного, стандартизованного языка, утратившего свою образную силу. Цель, к которой ведет Белый всем ходом своих рассуждений, опять же утопическая, едва ли достижимая в перспективе языкового развития, — полная и равноправная гармония «линии гласных и согласных» с ритмом речи, образным началом и смыслом, новое синкретическое единство языка. Проблема «творчества языка» была частным решением важнейшей для него проблемы «творчества жизни». Все это подкреплялось эсхатологическими основами сознания Белого, определялось его представлениями о конечных судьбах мира и человека: «Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и — свершится второе пришествие Слова».⁷⁷ Белый пытается распознать семантическую окраску мельчайших языковых единиц — звуков; образуя в совокупности мир звучащей речи, они предстают для него универсальным символом: «Ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи; я буду рассказывать сказку, в которую верю, как в быль; сказка звуков пройдет: пусть для вас она сказка; а для меня она — истина; *дикую истину* звука я буду рассказывать».⁷⁸

Выделяя в языковой проблеме прежде всего динамическое начало непрерывного становления, творчества новых форм, Белый тем самым косвенно обосновывает и собственную позицию как художника. Теоретические опыты служили ему опорой для экспериментов в поэзии и прозе, которые оказывались не только адекватным индивидуальным способом самовыражения, но и поиском выхода из остро ощущаемой ситуации «кризиса слова». Литературные искания Белого были всецело направлены к тому, чтобы подчеркнуть смысловое содержание разнообразных и щедро используемых «приемов», выявить творческую стихию, властвующую над мельчайшими составляющими художественного текста. Глубокое постижение образного начала в языке, семантической значимости всех компонентов его структуры служило почвой и для многочисленных работ Белого по поэтике и стиховедению, в которых научный анализ и поиск новых способов изучения художественного языка сочетались со свободными философскими рассуждениями и чисто поэтическими фантазиями.

⁷⁷ Белый Андрей. Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин, «Эпоха», 1922, с. 131.

⁷⁸ Там же, с. 37.

Дневниковые записи Белого «К материалам о Блоке» (№ 41, 42), дошедшие не полностью, относятся к августу—сентябрю 1921 г.—первым неделям после смерти поэта.⁷⁹ В августе 1921 г. Белый написал также письмо в редакцию журнала «Печать и революция» (№ 38) — протест в связи с опубликованием в нем рецензии С. Боброва на книгу стихов Блока «Седое утро», содержавшей беспрецедентные нападки на поэзию Блока и уничтожающие выводы: «Зачем Блок напечатал эту книгу: верно, не мог не напечатать, а этим он подписал собственный приговор: отныне его больше нет».⁸⁰ Автор рецензии на «Седое утро», поэт, прозаик и стиховед Сергей Павлович Бобров (1889—1971), начал свой литературный путь при поддержке Белого, активно работал под его руководством в ритмическом кружке при издательстве «Мусагет», обращался к нему как к первому, «приметившему» его музу.⁸¹ Тем резче звучат строки «письма в редакцию» Белого по поводу рецензии Боброва. «„Подписал собственный приговор“, — кто же? — восклицает Белый. — Полный поэтической жизни, любимейший, наш, национальный поэт, угасший в дни выхода этого *позорища*». Факт появления рецензии одновременно с кончиной Блока безмерно умножил степень возмущения Белого (вполне оправданного и безотносительно к этому совпадению, так как Бобров развенчивал подлинные шедевры блоковской лирики): «Тон рецензии глуп, безграмотен, сплошь неверен <...> ой, более того, — подл, принимая во внимание, что тяжкая болезнь А. А. Блока и ожидаемый печальный конец не могли быть тайной для Сергея Боброва; А. А. Блок до смерти читал: рецензия Боброва могла ему попасться; она, конечно бы, повлияла на ход

⁷⁹ В автографе Белого «Мои встречи с Блоком» (№ 52) — сканное изложение истории общения с поэтом (сохранился один дефектный лист).

⁸⁰ Печать и революция, 1921, кн. 1, май—июль, с. 147. На выступлении Блока в Москве в Доме печати (7 мая 1921 г.) Бобров выкрикнул с места, что «Блок как поэт уже умер», «эти стихи — мертвечина, и написал их мертвец»; произошел скандальный инцидент (см.: Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924, с. 22; Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 135—136; Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Аляпского. Л., 1979, с. 104—105).

⁸¹ См. письмо С. П. Боброва к Белому от 11 ноября 1912 г.: ГБЛ, ф. 25, карт. 10, № 2. В позднейшие годы Бобров напечатал прозаический этюд о Белом «И новый Берингов пролив засинеет» (День поэзии. 1968. М., 1968, с. 218—219). Показательно, однако, что с критикой в адрес Блока Бобров выступал еще в ранней молодости; это была своего рода борьба с «блоковским» началом в собственных творческих опытах. Так, 18 июня 1909 г. он писал Белому: «Ваша „Урна“ дала мне много — мои стихи стали как-то угрожей, серьезней. У Блока — Вы, вероятно, замечали — иногда прорывается беспочвенность, иногда проглядывает — что отчаянно печально — ерунда <...> И безвкусица <...> А он оказал на меня большое влияние во всех своих проявлениях. У Вас же нет ни безвкусицы этой, ни пустяков, за что я преклоняюсь перед Вами. — и „Урна“ много вылечила от такого бесшабашного, развихляйного письма» (ГБЛ, ф. 25, карт. 10, № 2).

его болезни <...> Рецензия кончается словами: „Отныне его (т. е. Блока) больше нет“. Мы прочли эти слова в дни, когда его с нами не стало действительно, хотя он — бессмертен.⁸²

Следует отметить, что редакция «Печати и революции» попыталась косвенным образом сгладить факт появления рецензии Боброва: следующий номер журнала открывался статьей П. С. Когана, посвященной памяти Блока.⁸³

Вероятно, к концу августа—началу сентября 1921 г. относится также неоконченное и неотправленное письмо Белого к С. Н. Кампиони, матери его первой жены Аси Тургеневой.⁸⁴ Из него рельефно вырисовывается характер жизни Белого в Петрограде незадолго до его отъезда за границу, где оставалась Ася, работавшая в Антропософском обществе под руководством Штейнера.

«Глубокоуважаемая, милая, близкая, родная мне

София Николаевна,—

Не вините меня, что „недосказанный сказ“: мои слова к Вам, мое движение души к Вам навстречу оборвалось внешне: Вас же нет в Москве.

А я — я?..

Я провожу время трояко:

1) Всегда порю горячку за Асю, от которой получаю пока регулярные письма.

2) Кручусь в вихре людей, встреч и кружков, читаю лекции, возражаю: словом — старая, московская „*chaîne chinoise*“⁸⁵...

3) Убегаю работать спешно к Сереже и Тане,⁸⁶ моему единственному прибежищу. Я никогда без Аси не ощущал близость

⁸² На первом листе рукописи — карандашная помета Белого: «Заметка, написанная по поводу гнусной рецензии Боброва, обсуждалась в Комитете имени Блока, печатать или нет. Решили с Разумшиком Васильевичем: не печатать. Б. Б. 1 сентября 1921 г.». Собрание кружка имени Блока состоялось в этот же день (присутствовали Л. Д. Блок, А. А. Кублицкая-Пиоттух, Белый, Иванов-Разумник, С. М. Алянский и секретарь Д. М. Пинес). По поводу отповеди Белого Иванов-Разумник «высказывает предположение, что в очередном № этого журнала появится, в связи со смертью А. А., совсем другая статья о нем, которая и будет лучшей отповедью на статью Боброва» (Протокол собрания кружка имени Блока 1 сентября 1921 г., составленный Д. М. Пинесом. — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, № 34). Мать Блока, А. А. Кублицкая-Пиоттух, писала 5 сентября 1921 г. Н. А. Нолле-Коган: «Прочтя какого-то Сергея Боброва, Андрей Белый хотел отвечать, возражать, волновался ужасно, но мы уговорили его оставить так: слишком много пришлось бы опровергать» (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 259).

⁸³ Коган П. С. Александр Блок и революция. Памяти поэта. — Печать и революция, 1921, ян. 2, август—сентябрь, с. 3—7.

⁸⁴ Другие письма Белого к С. Н. Кампиони опубликованы Жоржем Нива, см.: *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1977, vol. XVIII, № 1—2, p. 141—149.

⁸⁵ Китайская цепь (*франц.*) — название фигуры в тапцах; употреблено в значении «испрерывной суеты».

⁸⁶ Ближайший друг Белого с юношеских лет поэт Сергей Михайлович Солянов (1885—1942) и его жена Татьяна Алексеевна Тургенева (1896—1966), сестра А. Тургеневой, жившие в Сергеевом Посаде.

родственности: а теперь, разлученный с Асей, греюсь отражением Аси в доме Сережи и Тани. И с Сережей, и с Таней дружим; кабы не они, было бы мне плохо.

Саши нет: Вы уже знаете это.⁸⁷

Сижу в Петрограде у Разумника Иванова: застрял и бог весть, когда выберусь. Очень часто вспоминаю Вас и Владимира Константиновича;⁸⁸ к обоим тянет, с обоими хочется долго, долго быть вместе: с жадностью слушал рассказы Сережи о Вашем житье. Моя мечта, чтобы хоть одно лето повторились Боголюбь;⁸⁹ и мы все — Вы, Владимир > Копст < аптинович, Сережа, Таця, Наташа, Ася и я — прожили вместе» (№ 83).

Период своей жизни, обозначенный 1919—1922 гг., Белый характеризовал как время отхода от антропософии, разуверения в тех религиозно-философских ценностях, которые он с 1913 г. считал пезыблемыми. Здесь невозможно показать всю сложность духовного развития Белого этого времени; укажем только, что, внутренне отходя от заветов этого учения, он оставался активным пропагандистом антропософии: в 1919—1921 гг. он постоянно работал в московском Антропософском обществе, выступал с лекциями, вел кружки, общался с приверженцами этой доктрины. Такая двойственность могла только усугублять духовный кризис. Разочарование в антропософии с особенной силой охватило Белого в Берлине в конце 1921—начале 1922 г., когда он вновь встретился со Штейнером и когда Ася, окончательно вступив на антропософский путь, отказалась от восстановления отношений с Белым. 15 января 1922 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Сердце сжимается болью: у меня трагедия: Ася ушла от меня; Штейнер — разочаровывает <...> От боли стискиваю зубы; и — пью... Провалилась Ася, Штейнер, движение, — все: нелегко мне вынести эту утрату <...> когда я слушал Штейнера, то... мне казалось: Штейнер — разжиженная „Вольфилла“. Берегите „Вольфиллу“».⁹⁰

Характерно, что отразившаяся в «Вольфилле» атмосфера духовной жизни с ее пестротой исканий, противоречиями, бурными спорами кажется Белому полным контрастом тому, с чем он столкнулся в кругу Штейнера после пятилетнего отсутствия; хорошо знакомая ему среда поразила его на сей раз замкнутостью и абстрактностью задач, удаленностью от насущных жизненных проблем. Берлинские впечатления заставляют Белого возвра-

⁸⁷ Белый говорит о смерти Блока (7 августа 1921 г.).

⁸⁸ Муж Софии Николаевны и отчим ее дочерей Анны (Асп), Натальи (в замужестве Поццо) и Татьяны Владимир Константинович Кампиони, лесничий Торчинской области.

⁸⁹ В Боголюбях под Луцком (имение Кампиони) Белый жил летом 1910 и 1911 гг. и весной и летом 1913 г. «Не забуду уютные вечера в небольшом белом домике», — писал он в мемуарах «Начало века» («берлинская» редакции 1922—1923 гг.) (ГПБ, ф. 60, № 14, л. 30).

⁹⁰ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 13.

щаться к современной России, в которой он видит прежде всего «зелень юной культуры» и «яркое, индивидуальное творчество», преобладающие над всеми сложными и тяжелыми жизненными обстоятельствами: «Ощущение рождения еще не отстоявшихся в форме идей, импульсов, чувств, эстетических и моральных переживаний сопутствует всюду; оно дает силу нести изо дня в день непереносимые бремена».⁹¹ Удаленность от родины, личная драма и кризис антропософских воззрений в совокупности обусловили то болезненное состояние духа и ощущение внутреннего надлома, которое овладело Белым во время его пребывания в Берлине.

В архиве Иванова-Разумника хранится документ исключительной важности — интимная исповедь Белого о тех безрадостных итогах, к которым привело его следование антропософской стезе. Белый подвергает себя подробному и мучительному анализу и делает вывод об исчерпанности обретенного им некогда пути и о его трагических последствиях, приведших к утрате внутренней цельности и попранию естественных человеческих устремлений. К учению Штейнера Белый подходит уже сквозь призму новой России, восстание его против «духовной науки» подкрепляется опытом, порожденным послереволюционной действительностью и заставившим совершенно заново переоценивать самые критерии, которыми определялось ранее его внутреннее «я». Текст сохранился полностью (беловой автограф), написан он, вероятно, в 1921—1922 гг. (№ 76, 4 л.).

«Три года твержу я: „Дух, дух, дух!“ И от усталости — подлинно: дух выпускаю я. И бездуховно коснею один, между тем как, на счет выдыхания духа мной, люди, которым Дух нужен, переживают духовные состоянья сознания. Я же недобудно коснею в сплошной бездуховной апатии. „Дух“ не приходит на помощь ко мне. Неужели же „Дух“, о котором порою красноречиво пою свои песни, — мой собственный дух. Но в себе я не знаю духовности собственно. Знаю лишь: „Я это Я“.

Обращаю вниманье „духовного мира“ на ход размышлений моих: не опасен ли ход этих мыслей для престижа всякой духовности? Не пора ли вмешаться: паитием, откровением или чем еще, чтобы смирить мою искренность. Я бездуховен ведь, отдавая свой „дух“ для других и оставаясь с собственной, материальной природой своею. Неужто же для глашатая форм духовности остается одно: своеобразное присягнувенье материи; не чрез радостное изживание красот чувственности, а чрез хилое всхлипыванье: „Дух бодр: плоть же немощна“... Но эта формула действует в своем противоположном; следует ее читать так: „Плоть бодр, неусыпна; она-то и бодрствует; а дух — немощен: выдохнешь его людям; и — нет его при тебе“...

⁹¹ Белый Андрей. Культура в современной России. — Новая русская книга, 1922, № 1, с. 2.

Что вытекает отсюда? Или я под „Духом“ разумею нечто, не имеющее отношения к „Духу“, или я клевету на „Дух“; второе отпадает: вся моя жизнь последнего десятилетия — послужить делу „Духа“ среди людей; стало быть — второе: я — неудачный слуга „Духа“. Обращаю внимание „Духа“ на это: пора рассчитать своего неумелого, глупого слугу. Но слуга уже давно просит расчета не потому, что он бунтует против „Духа“, а потому, что „Дух“ не нуждается в его услугах. Мое „*reservé*“ по отношению „духовной науки“ за последнее время есть лишь форма, облегчающая „Духу“ расчет со мной.

Я не заблуждаюсь в своих „окаянствах“: я спрашиваю только. Кто вырастил во мне мои „окаянства“ из обычно присущих человеку потребностей. Если бы меня всю жизнь держали впроголодь, то естественно: я думал бы о пище более, чем тот, кто ни разу в жизни не голодал. Так же и я: у меня вовсе не было каких-либо особых хищных похотей; обычные потребности всякого человека, имеющего несчастье иметь плоть и пять органов чувств. Но необыкновенно ухищренная судьба заставила меня быть вечно голодным; потом явился „Дух“ и с подлинно иезуитскими ужимками чрез посредство своих адептов вырвал у меня „остатки“ того, что судьба кинула мне как человеку; этим „Дух“ отрезал меня от нормального положения по отношению к себе, всадив в грудь осиновый кол неразрешимейших нравственных антиномий.

Так был я „Духом“ разорван пополам: одна половинка превратилась в бесплодное воодушевление всем „духовным“; она стала „испускать дух“, до которого оказались надки другие, выпугивая меня подчас через силу взвизгивать себя формами „духовной деятельности“; другая половинка — голодная, холодная — стала бегать жульником по рынкам и таскать загнившие продукты „дешевого рынка“ для удовлетворения своего вечного голода. „Духовное начало“ во мне, обирая и унывая „человеческое, чисто человеческое начало“, его оскоктило. Да: мои окаянства укоренились „благодаря моим духовным исканиям“, а не вопреки им: это я должен честно сказать сам себе; и хотел бы сказать шпес, да — не могу, не умею, не вижу возможности лгать перед самим собой.

Так „Дух“ вогнал меня в материю. Но не смешиваю ли я „душу“ и „Дух“, не является ли „Дух“ самою основой материи; ну, разумеется: на лекциях я пахожу много примеров конкретности Духа; не я ли сам указываю, что „душа“ и „материя“ в Духе, что противоположение между материей и Духом не есть противоположение; материя — вне „души“, но в „Духе“ и т. д. Все эти умные и подчас утопченные схемы прекрасно указывают на теоретическое заблуждение, лежащее в основе здесь написанных строк. Господи, я ли не знаю, что определять Дух как „минус“-материя⁹² — нельзя. И однако: то, что я пишу здесь, осно-

⁹² В оригинале стоит математический знак — минус.

вано на фактах моей жизни; на истории семилетнего моего мытарства, а умные рассуждения о лежании материи в Духе и о конкретности Духа суть красивые умствования, где я незаметно теряю фактическую, биографическую почву. В конкретности Духа ведь я мог удостовериться только биографически; и вот: спрашивая свою биографию, я вижу, что в ней Дух открылся, не спрашиваясь с законами архитектурной схем, открылся не только вопреки логическим, но и вопреки концепционно-эстетическим схемам именно, как соблазнитель сверхчувственным, как гонитель и искоренитель в моей биографии всего, что меня благообразило как человека и только человека; он как бы говорил мне: „Что значит человеческое благообразие перед образом, который я ставлю перед Тобою; этот образ есть *«Твое Духовное» Я*“; и я возжаждал своего „Духовного Я“, поправ „я“ обычное и не сообразуясь с возможностью осуществить в чувственных условиях сверхчувственное; при этом на краткое время „Дух“ дал мне силу действительно обойтись без человеческих, обычно человеческих потребностей для того, чтобы коварным обманом заставить себя отойти от обычного малого „я“ в себе; очень скоро уже я сообразил, что духовная жизнь моя в Духе не есть „моя“, а „чего-то-то“ опустившегося в меня и внушившего мне, что это *чужая жизнь*, мне чуждая по своим законам, есть именно жизнь моего подлинного „Я“. Очень скоро обман разоблачился; но тут „Дух“, увидя, что я и не думаю попираť свое человеческое достоинство, начал действовать уже не как соблазнитель, а как разбойник: он ограбил меня ловко подставленной судьбою; и даже самую судьбу это он сумел вложить в меня, истолковывая ее мне как оплотнение моего же собственного решения: решение преодолеть человека в Себе принадлежало в действительности не мне, а опять-таки Духу, сошедшему в мою душу и обернувшемуся там мною; все это честность моя и чисто человеческое стремление к правде разоблачили: тогда Дух начал уже опорачивать и оклеветывать во мне мое стремление к правде, всеми силами унижая и искривляя это стремление тем, что разорвал мое прежде цельное „я“ на две части: на якобы духовную часть, приобретающую склонность говорить людям о Духе на языке этого Духа и приобретающую склонность внушать стремление к Духу этим душам, внимающим мне; круг этих душ, культивирующих во мне несчастную склонность защищать Духа в его лживом поступке со мною, — часть этих душ совершенно лишили голоса правдивейшую сторону моей натуры, которая требовала себе не духовности, а простой человечности; но, лишенная всех прав и изгнанная в подполье, эта здоровая сторона меня самого опустилась, выращая естественные человеческие чувства в ужасные окаянства. Она с пемым ожесточением порой глядела из глаз „духовного“ деятеля, прося человеческого подаяния; но принимаемая поклонниками антропософа Андрея Белого за жулика, она покорно свернулась в своем паршивом углу; так завелись две жизни в одной жизни, две биографии

в одной, причем обе биографии развернули передо мной свой одинаково мне не симпатичный свиток; в одной был ряд достижений: прекрасных образов и прекрасных чувств, не имеющих никакого отношения к воплощенной действительности; в другой были жалкие корчи и вскрики чисто животного голода; все-таки „пса“ в себе я склонен теперь скорей оправдать, ибо этот пес стал „псом“ благодаря низости выскочки, попавшему в привилегированное положение к „Духу“. Так „Дух“, разложив мое чисто человеческое „я“ в два нечеловеческих „я“ (ангельское и скотское), оба эти „я“ обобрал.

Заметьте: что я не утверждаю отсутствие конкретного Духа; мне ли не знать, что этот „Дух“ есть, воистину есть, и мир этого „Духа“ есть тоже; но я не подчиняюсь ни „Духу“, ни миру Его; у меня достаточно правды, чтобы сказать „Духу“ в лицо: Ты мне не нравишься; и мир Твой мне не нравится тоже. Ты должен бы был быть таким-то и таким-то; а Ты нечто совсем иное: Ты — Дух Лжи, Дух Мстительный, Неистинный Дух. Пока люди о Тебе отвлеченно мечтают, не зная ужасной действительности Твоих озарений и „духовных“ Твоих красот, они рисуют Тебя не таким, каким Ты явился воочию мне. Меня Ты уж не одурачишь.

Стало быть: во мне есть какое-то смутное представление, чем должен бы быть Дух. Но это представление не соответствует духовной действительности, где Дух показал себя так ужасно по отношению ко мне. Это смутное представление о *должном Духе*, к которому я простираюсь сквозь ужасы существующего, нас обставшего духовного мира, — не есть ли верное знание, ибо оно остается во мне: Духу тут не удалось ограбить меня; я называю это в себе стремлением <к> Правде, обязывающим меня реалистически отнестись к мне открывшейся духовной действительности и рассмотреть ее Ложь; стало быть: тот Дух, которого я строю как Духа Истины, пока не обладает духовной действительностью; в духовной действительности обитает не тот Дух. Вот, кажется мне, подлинное узнание мое.

Дух мне открылся биографически; его мир вращался в мою душу, заставляя эту душу содрогаться перед картинами, о существовании которых она не подозревала; „духовное начало“ во мне себя открыло не нормальным рождением в душе, как рост самой душевности, а катастрофическим падением с высот родимых в *душевные ясли*; вот образ: „ясли“; если прежде душа находила себя прекрасной, как цветок, то теперь она предстала себе разорванной и униженной; она стала предметом, „яслями“;

и предметом не особенно желанным: как известно, „ясли“ есть вещь не особенно-то прекрасная (я разумею тут обыденные ясли, а не „вифлеемские“ и не аллегорические); душа стала скотскою принадлежностью; самое восстание „духа во мне“ так унизило душу.

Отсюда следует: Дух не родился во мне, но он явился во мне; и это явление имело лишь вид рождения; Дух был тем, чем ему подобало быть: нерождаемым, нерожденным; но первое его движение во мне была ложь, которую он вшепнул мне: будто он во мне родился и будто я, тридцатитрехлетний, лысеющий господин, есмь „Богородица“;⁹³ обратите внимание: первое движение Духа во мне обогало во мне пол; оно заставило мужчину пережить себя женщиной; пусть доказывают мне „духовные исследователи“, что я был женщиной в символическом смысле лишь, как человек душевный (все душевные люди — „женщины“); я считаю, что в таком обращении с полом духовная символика уязвляет себя указанием на недуховность своего происхождения.

Как бы то ни было: „Дух“ в том смысле, в каком я его реально ощущаю с 1913 года, впервые проговорил во мне в то именно время; 33 года я проходил различные стадии духовных узваний: был православным, буддистом, соловьевцем, символизмом, кантианцем и т. д. и был „не духовным“ в том смысле, в каком теперь стоит передо мной конкретно слово „духовность“; с 1915 до 21 года я — „духовен“; и в этом все мое несчастье.

Но неужели же у меня не было представлений и ощущений, чем должен быть *Дух Истинный*? Были. Изменились ли мои предощущения Истинного Духа? Нет. Они таковы, каковыми были и каковы они в Евангелии от Иоанна.

Стало быть „Дух“, о котором идет речь и который открылся мне конкретно значительно позже, не Дух Евангелия от Иоанна? Пять лет я думал, что этот Дух есть Дух Истинный; но теперь наконец я решаюсь сказать: нет. „Дух“, открывшийся во мне

⁹³ Этими словами Белый характеризует состояние мистического озарения, которое он ощутил в себе в Бергене во время курса лекций Штейнера в октябре 1913 г.; тогда он решил окончательно связать судьбу с Антропософским обществом: «С этого момента до весны я переживаю невероятный взлет; события ежедневные приобретают для меня какой-то преобразовательный смысл» (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 66 об.). Ср. признания Белого в том же автобиографическом документе (1923) о своем антропософском «ученичестве» как об особом этапе внутренней жизни, резко ограниченном от предшествующего и последующего этапов: «... период от 1912 года до 1917-го *очень странен*; стоит передо мною он, как *жизнь в жизни*; и эта *жизнь в жизни* имела свое рождение, рост и смерть; теперь, озираясь, себя я могу вопрошать: принадлежала ли эта *жизнь* моей жизни? Или кто-то, во мне поселившись, изжил себя и меня безвозвратно покинул?» (там же, л. 111 об.).

с 1915 года, делал все усилия быть „Духом“ Евангелия от Иоанна, но дела его оказались делами злыми для меня. И теперь я утверждаю: „Дух“, которого я совершенно конкретно постиг в Бергене в 1913 году и который стал во мне конкретен хотя бы тем, что вырвал у меня обещание еще в этой жизни переплавить основы моей человечности в „духовные основы“, есть Дух Лжи.

Так попал я в царство Конкретного Духа, но это царство оказалось царством Лжи; и стало быть восхищение мое туда было похищением насильственным моего „я“ из сферы влияния Духа Истинного. Теперь, отрезанный от „духовного мира Истины“, я таю его в моем „я“; а меня обстаёт единственно мне доступный духовный мир; но этот мир есть моя *духовная тюрьма*.

Дух Лжи полонил меня.

Как мог я быть пленённым?

Нормально не могли бы прозонта в моем душевном мире события, превратившие „человека“ в принадлежность скотского обихода, в „ясли“; я должен был развить особые душевные силы, давшие мне силу разорвать с простой человечностью; и да: силы эти были: силы медитаций, данных мне Штейнером. Стало быть здесь: в медитационной жизни моей — произошла катастрофа, притянувшая в мою душу *Духа Зла*.

Кто виноват в моем разложении? „Я“? Да, поскольку я доверился пути „духовного знания“; пусть этот путь и ведет к Духу Истины (я не оспариваю); но раз он же открывает не оговоренные учителем возможности так извратить свое сознание, как извратил я — я должен принципиально возразить против допущения „духовной наукою“ таких путей. И, во-вторых: должны <быть> ученику пути при вступлении на путь конкретнейше нарисованы все искусы пути, дабы вовремя удержать его от неосторожного шага; конкретности *удержа* нет; о соблазнах пути „Духовное Знание“ говорит смутно и глухо, подчас даже вскользь, а именно соблазны-то и подстерегают все первые шаги поднятия в духовность. Так семилетия моя страда в тисках „Духа“ есть пыле осознанная форма одержания Люцифером, введенным в душу методом Рудольфа Штейнера.

Для выпрямления в себе Духа Истинного я вынужден сделать этот вывод».

Следует отметить, впрочем, что решения, которые Белый формулирует в этом отрывке, не были для него окончательными. Вернувшись на родину в 1923 г. и сблизившись опять с кругом московских антропософов, Белый по-повому начинает воспринимать штейнеровские идейные положения — уже не в аспекте

духовного «ученичества», а в гораздо большей степени сквозь призму собственной личности и через тему России. К 1926 г. относится работа Белого над грандиозным исследованием «История становления самосознающей души», в котором с наибольшей полнотой отразилось то мироощущение, к которому он пришел после выхода из внутреннего кризиса. Труд Белого базируется на подробном анализе философской и религиозной мысли начиная с древнейших времен, проводимом в историко-культурном аспекте и сквозь призму собственного духовного опыта.⁹⁴ С большим пиететом Белый рисует образ основоположника антропософии и в своих «Воспоминаниях о Штейнере».

К позднейшим по времени документам, хранящимся в архиве, относятся черновые наброски Белого по поводу постановки В. Э. Мейерхольдом гоголевского «Ревизора» (премьера 9 декабря 1926 г.) — одной из самых знаменитых работ режиссера.⁹⁵ Кардинальные изменения в тексте комедии («„Ревизор“ в новом виде, совершенно переделанный, с переменами, прибавлениями, новыми сценами», — говорилось в анонсе о спектакле) и режиссерская трактовка, порывавшая с существовавшей театральной традицией, вызвали массу протестов: Мейерхольда обвиняли в бесцеремонном обращении с текстом, в том, что он убил гоголевский смех, в излишней сложности спектакля и т. д. Белый принадлежал к числу самых горячих сторонников спектакля, увидев в нем глубоко талантливое и верное прочтение комедии в тесной связи с современностью и всем контекстом творчества Гоголя. «Действительно: это — событие; — писал Белый Мейерхольду 25 декабря 1926 г., — действительно, „Ревизор“ увиден в первый раз; и стоило бы потревожить могилу покойника Гоголя, чтобы покойник встал из могилы и своим присутствием на спектакле поддержал Вас, потому что он поддержал бы Вас против той меледы, которая целую неделю выполаскивалась из ртов на газетные столбцы».⁹⁶ О спектакле Белый написал специальную статью «Гоголь и Мейерхольд»,⁹⁷ в которой в острополюемическом

⁹⁴ В архиве Иванова-Разумника имеются черновые слемы и наброски Белого к этой работе (№ 54), а также сделанные им выписки из словарей и монографий библиографического и хронологического содержания — указания исторических событий и фактов (№ 48, 49). Наибольшее количество материалов к «Истории становления самосознающей души» хранится в архиве Андрея Белого в ГБЛ.

⁹⁵ Описание спектакля см. в кн.: «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда. Сб. статей. Л., 1927. См. также: Тальников Д. Новая ревизия «Ревизора». М., 1927; Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы, ч. 2. М., 1968, с. 108—147, 538—542.

⁹⁶ Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 257.

⁹⁷ Статья напечатана в кн.: Гоголь и Мейерхольд. Сб. литературно-исследовательской ассоциации Центрального Дома работников просвещения. М., «Никитинские субботники», 1927, с. 9—38. Ср.: Романова Г. А. «Ревизор» Н. В. Гоголя в спектакле Вс. Мейерхольда и в критическом освещении А. Белого. — XXX Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1977, с. 44—48.

манере охарактеризовал обусловленность режиссуры Мейерхольда самой природой гоголевского творчества и видения мира. Впоследствии этой же теме Белый посвятил главу в исследовании «Мастерство Гоголя». Карандашные наброски, сохраненные Ивановым-Разумником, — вероятно, самая первая попытка Белого концептивно изложить свои впечатления и доводы в защиту мейерхольдовского эксперимента (№ 68):

«„Ревизор“ на фоне всего „Гоголя“. Где у Гоголя *легкий веселый смех: слезы и смех*, горьким смехом моим посмеюся? *Не легкий смех Гоголя: проедающий все. Но при Николае приbedнивался.*

Традиция постановок „Ревизора“ — традиция обламывания *острых углов творчества*. Гоголя — ненавидели (Толстой-Американец), Гоголя не понимали даже друзья; он открыт — в наше время; он растворяется на протяжении — столетия; я еще помню, как говорили о неряшливости языка Гоголя: *первый стилист в <России?>*⁹⁸ (проза). „Мертвые души“ — вгоняли в грусть Пушкина, измучили Гоголя; „Ревизор“ — отколотый кусочек „Мертвых душ“; его и надо брать на фоне целого. Сам Гоголь силился ширить „Ревизор“ — то ломая *рампы* обращением: „Над кем смеетесь, над собой“. И это относится не только к *николаевской> России*, но и к *ругине и формализму* всех бытов; и — к нам.

Наконец: „Разъезд“⁹⁹ — все это попытка расширить рамки „Ревизора“. „Ревизор“ для Гоголя — рамки, *застенок*. И в духе Гоголя прочесть „Ревизора“, в целом *гоголевской темы*; тема Гоголя больше даже „Ревизора“.

Отсюда „Ревизор“ и Мейерхольд.

До сих пор ни один театр не ставил „Ревизора“ в связи *темы* самого Гоголя, а подхватывал *ругинку*, в лучшем случае ее *реформируя*: до последней постановки *Художественного > театра*, где велик *Чехов*, но плох театр; и что же — гениаль<ные> усилия *Чехова* не могли вывести ругины *целого*.¹⁰⁰

У Мейерхольда я вижу прокол: *Гоголин*;¹⁰¹ все его подставки, изменения текстов — хороши ли, плохи ли, — попытка хоро...»¹⁰²

⁹⁸ Текст оборван.

⁹⁹ «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842) Гоголя.

¹⁰⁰ В постановке «Ревизора» в Московском Художественном театре (1921, режиссер К. С. Станиславский) роль Хлестакова исполнял М. А. Чехов. Это — одна из самых прославленных ролей актера (см.: Громов В. Михаил Чехов. М., 1970, с. 87—99; Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917—1938. М., 1977, с. 50—69).

¹⁰¹ Ср.: «Мейерхольд выявил самой конструкцией сцены конструкцию гоголевских творений в их целом: „Гоголин“ комедии „Ревизор“» (Белый Андрей. Гоголь и Мейерхольд, с. 26).

¹⁰² На этом текст обрывается.

В архиве Иванова-Разумника хранятся также подготовительные черновые материалы Белого к книге «Мастерство Гоголя» — выписки из Гоголя, систематизированные по темам исследования (№ 46, 66 л.), и отрывок рукописи, лишь отдельные страницы которой поддаются прочтению (№ 47, 45 л.).¹⁰³

Из других материалов Белого упомянем: библиографические заметки по западноевропейской литературе конца XIX—начала XX в. — преимущественно списки авторов и произведений и хронология событий французской литературной жизни;¹⁰⁴ неполную машинописную копию статьи Белого «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) (№ 62, 74 л.);¹⁰⁵ заметки Белого при чтении сборника «Новые идеи в математике» (№ 58, 2 л.); черновой набросок незавершенной статьи Белого «Россия» (№ 70, 2 л.) и материалы к ней (№ 51, 2 л.); заметки Белого — наблюдения над языковым составом и стилем романа «Петербург» (№ 53, 23 л.); записи Белого дневникового характера в копии Иванова-Разумника (№ 36, 3 л.), а также разрозненные заметки и черновые наброски самого разного рода (№ 26, 33 л.; № 37, 22 л.).

¹⁰³ Сохранились также два заключительных листа машинописной копии статьи Белого «Гоголь» (№ 35), напечатанной в «Киевской мысли» (1909, № 78, 19 марта).

¹⁰⁴ Вероятно, это подготовительные материалы к статье о французских символистах, над которой Белый работал в 1918 г. (ЛН, с. 630). Сохранился беловой отрывок начала этой статьи (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 46, 9 л.).

¹⁰⁵ Рукопись статьи хранится в ЦГАЛИ (ф. 53, оп. 1, № 74).